

Майкл Коннелли
Черный лед
Серия «Гарри Босх», книга 2

OCR Денис; Доп. вычитка – Darfai (проект вычитки книг на Альдебаране)
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143431
Майкл Коннелли. Черный лед: АСТ Москва, АСТ, Хранитель; Москва; 2006
ISBN 5-17-037742-8, 5-9713-2977-4, 5-9762-0254-3
Оригинал: "The Black Ice"
Перевод:
Владимир А. Гришечкин

Аннотация

В рождественскую ночь в номере дешевого мотеля обнаружен труп сержанта Мура, возглавлявшего отдел по борьбе с наркотиками полицейского управления Лос-Анджелеса.

Все улики, найденные на месте преступления, указывают на то, что произошло самоубийство.

Но опытный детектив Гарри Босх, которому поручено расследование обстоятельств гибели Мура, уверен – сержант умер насильственной смертью.

И его убийство – лишь звено в длинной цепи преступлений, тянущейся от Голливудского бульвара Лос-Анджелеса к бандам, контролирующим провоз наркотиков через мексиканскую границу...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Майкл Коннелли

Черный лед

Посвящается Линде Маккалеб Коннелли

Глава 1

Дым, поднимавшийся над дорогой Кауэнга-пасс, рассеивался под натиском холодного ветра, который дул ему навстречу. С того места, откуда наблюдал за пожаром Гарри Босх, дым напоминал серую наковальню, возвышающуюся над ущельем. Клонящееся к закату солнце придавало серым клубам дыма розоватый оттенок, но только наверху; у основания они были густо-черными. Где-то там, внизу, проходила полоса огня, который, пожирая кустарник на восточном склоне, быстро устремлялся к вершине холма.

Переключив сканер на волну, выделенную специально для муниципальных служб округа Лос-Анджелес, Босх прислушивался к радиопереговорам батальона пожарных. Они сообщали своему командованию, что огонь полностью уничтожил девять домов на одной улице и подбирается к следующей. В голосах пожарных звучало отчаяние: пожар быстро распространялся и, расправившись с населенными районами, двигался к холмам Гриффитс-парка, где бушевал бы несколько часов, пока его не локализовали.

На горизонте появилось звено пожарных вертолетов, издали похожих на стрекоз. Лавируя между столбами дыма, они сбрасывали на пылающие деревья и дома тонны воды, смешанной с оранжевым противопожарным реактивом, и разворачивались для следующего захода. Увидев их маневры, Босх подумал о Вьетнаме, где боевые машины по несколько раз обрабатывали одно и то же место в джунглях, не давая противнику ни малейшего шанса опомниться. Более всего походил на это надрывный, с присвистом, стрекот перегруженных двигателей «вертушек». Сквозь дым массы воды опрокидывались на горящие крыши, и над ними тут же вздымался плотный белый пар.

Босх отвернулся и посмотрел вниз, в заросли сухих кустов, которые покрывали подножие холма и доходили до самых опор, поддерживавших его дом на западном краю обрыва. Среди веток чаппареля белели редкие маргаритки и скромные полевые цветы, но, сколько ни вглядывался Босх, ему никак не удавалось разглядеть сероватую спину койота; он впервые заметил его внизу несколько недель назад, когда зверь охотился, затаившись в буреломе. С тех пор Босх время от времени сбрасывал вниз кусочки цыпленка, но осторожный койот так ни разу и не приблизился к угощению. Только после того как Гарри уходил с веранды, койот выползал из кустов, чтобы принять подношение, и Босх окрестил его Тимидо¹. Впрочем, иногда по ночам он слышал вой Тимидо; эхо разносило его голос над дорогой, ведущей к перевалу.

Когда он снова повернулся к пожару, оттуда донесся громкий взрыв, и Босх увидел плотное черное облако, которое, словно воздушный шар, рванулось снизу к плоской вершине дымной наковальни. Вслед за этим из динамиков сканера донесся взволнованный гул сразу нескольких голосов, и Босх с трудом разобрал доклад командира пожарного батальона. Тот извещал начальство, что в чьем-то сарае взорвался приготовленный для барбекю баллон с пропаном.

Проследив за тем, как черный дым постепенно тает на сером фоне, Гарри снова переключил сканер на оперативную частоту ПУЛА – полицейского управления Лос-Анджелеса.

¹ От исп. *timido* – робкий, пугливый. – Здесь и далее примеч. пер.

В свое рождественское дежурство Босх обязан был постоянно быть на приеме. Впрочем, не услышав через полминуты ничего, кроме рутинных радиопереговоров патрульных, он решил, что нынешнее Рождество в Голливуде выдалось на редкость спокойным.

Посмотрев на часы, Босх вернулся в дом, прихватив с собой радиосканер. Открыв духовку, он переложил свой рождественский ужин – жареную цыплячью грудку – с противня на тарелку, потом снял крышку с горшочка, в котором томился распаренный рис с бобами. Положив рядом с цыпленком изрядную порцию риса, Босх перенес тарелку в гостиную, где на столе его ждали бокал красного вина и три рождественские открытки, пришедшие по почте в начале недели. Босх, однако, не торопился вскрывать их. Проигрыватель компакт-дисков он заранее зарядил колтрановским «Блюзом подземки» и теперь предвкушал удовольствие долгого рождественского вечера.

За едой Босх все-таки вскрыл конверты и теперь размышлял об их отправителях. Для него, встретившего в одиночестве не одно Рождество, этот ритуал стал уже привычным, но он об этом почти не думал. Босх любил быть один.

Первое письмо пришло от бывшего партнера. Тот, получив свою долю гонорара за книгу и за фильм, снятый об их приключении, вышел в отставку и переехал в Энсенеду. В письме не было ничего нового. Как обычно, Андерсон писал об одном: «Гарри, когда ты приедешь?»

Вторая открытка также была из Мексики – от следопыта, с которым Босх провел прошлым летом шесть недель, отдыхая, совершенствуя испанский и рыбача в заливе Сан-Фелипе. Тогда ему необходимо было отдохнуть и набраться сил после ранения в плечо. Благодаря солнцу и морскому воздуху он выздоровел довольно быстро. Впрочем, и Джордж Баррера не проявил изобретательности: в своем коротеньком послании, написанном по-испански, он тоже звал Босха вернуться.

Последнюю открытку Босх вскрывал медленно и аккуратно, поскольку понял, от кого она, еще до того, как увидел подпись. Судя по почтовому штемпелю, конверт с открыткой был послан из Техачапи, и отгадать, кто автор сего послания, не составляло для Босха труда. Сама открытка со слегка смазанным рождественским сюжетом была отпечатана вручную на отбеленной бумаге, вышедшей из тюремного измельчителя отходов и пущенной в дело по второму разу. Ее написала женщина, с которой Босх провел только одну ночь, хотя думал о ней в последнее время гораздо чаще, чем следовало. Она тоже просила Гарри приехать к ней на свидание, однако оба отлично знали, что вряд ли это когда-нибудь случится.

Босх отпил небольшой глоток вина и с удовольствием закурил. Колтран как раз дошел до «Спиричуэл», записанной с живого концерта в нью-йоркском «Виллидж-Вэнгурде» еще во времена детства Гарри. И тут его внимание привлек радиосканер, негромко бормотавший что-то на столике рядом с телевизором. Большая часть жизни Босха прошла под болтовню этих устройств, и он научился не замечать назойливого фона, полностью сосредоточившись на сочном звуке саксофона. Вместе с тем он не пропускал ни вызовов, ни переговоров по кодовой таблице, внезапно выбивавшихся за рамки обычной скучной рутины. Вот и сейчас Босх разобрал, как чей-то голос произнес: «1K12, ответьте Штабу-2».

Босх поднялся и подошел к сканеру, словно надеясь, что от этого прибор заработает более четко. Он ждал ответа на вызов, но не услышал ничего ни через десять, ни через двадцать секунд.

«Здесь 1K12; нахожусь в мотеле „Убежище“, район Уэстерн к юго-западу от Франклина, комната семь. Не забудьте противогаз, Штаб-2».

Босх ждал чего-то еще, но это было все. Уэстерн и бульвар Франклина находились в зоне ответственности голливудского полицейского участка. Позывной «1K12» принадлежал детективу из городского отдела по раскрытию грабежей и убийств, расположенного в Паркер-центре – полицейской штаб-квартире в деловом центре. Позывной «Штаб-2» принадле-

жал заместителю начальника полиции, но их было трое, поэтому Босх не знал, к кому из них относится такой порядковый номер. Впрочем, это не имело значения. Босха гораздо больше интересовало дело, ради которого одному из самых высокопоставленных офицеров городского управления пришлось выехать на место происшествия.

И еще один вопрос не давал ему покоя. Если ОРГУ уже работает над этим преступлением – что бы там ни произошло, – то почему о нем не известили в первую очередь его, дежурного детектива голливудского районного участка?

Босх прошел на кухню и, поставив в раковину грязную тарелку, набрал номер отделения в Уилкоксе и попросил оперативного дежурного. Ему ответил лейтенант Клейнман, которого Босх почти не знал – он недавно перевелся в Голливуд из Футхиллского участка.

– В чем дело? – спросил Гарри вместо приветствия. – По сканеру всю болтают о теле в Уэстерне, и никто не удосужился позвонить мне. Это тем более любопытно, что именно сегодня я дежурю по вызовам.

– Не волнуйся, – отозвался Клейнман. – «Шляпы» подгрести все дело под себя.

Клейнман воспользовался выражением, которого Гарри не слышал уже несколько лет, а потому догадался, что лейтенант, должно быть, из старослужащих. Соломенные котелки детективы из городского отдела по расследованию грабежей и убийств носили в конце сороковых годов; в пятидесятых их сменили шляпы из мягкого серого фетра, после чего шляпы надолго вышли из моды. С тех пор сотрудники полиции, носившие на службе форму, прозвали детективов из ОРГУ «костюмами», а не «шляпами», что, впрочем, не относилось к следователям подотдела, занимавшимся только убийствами. Последние до сих пор считали себя высшим сословием и отчаянно задирали нос. Босху это претило даже тогда, когда он сам был одним из них. Теперь, работая в голливудском участке, Гарри находил на новом месте лишь одно преимущество: тот, кто копался в городском дерьме, никогда не выпендрился. Именно в участке была настоящая полицейская работа, простая и вполне обычная.

– А что стряслось? – осведомился Босх.

– В номере мотеля на бульваре Франклина обнаружили тело, – ответил Клейнман. – Похоже на самоубийство, но ОРГУ собирается заниматься им по своей линии. То есть фактически они уже взяли дело на себя и мы к нему никакого отношения не имеем. Это приказ с самого верха, Босх.

Гарри задумался. С чего бы городскому отделу по расследованию грабежей и убийств заниматься простым суицидом, да еще в рождественскую ночь? Он никак не мог взять этого в толк, и вдруг его осенило.

Калексико Мур!

– Сколько дней пролежал труп? – спросил он. – Я слышал, Штабу-2 посоветовали взять с собой маску.

– Довольно много. Даже голова сгнила как картошка. Впрочем, судя по тому, что я слышал на их частоте, никакой головы там вообще не осталось; похоже, покойник выпалил в себя дуплетом из дробовика.

Сканер Босха не брал частоту ОРГУ; именно поэтому он не слышал никаких переговоров по поводу обнаружения трупа. «Костюмы» перешли на доступную ему частоту только затем, чтобы сообщить адрес шоферу заместителя начальника полиции. Если бы не эта маленькая оплошность, Босх не узнал бы о случившемся по меньшей мере до завтрашнего утра, когда ему надлежало зайти в участок. Это рассердило его, однако Гарри не подал вида и старался, чтобы его голос звучал спокойно и ровно. Ему необходимо было вытянуть из Клейнмана все, что он знал.

– Это Мур, не так ли?

– Похоже, – отозвался словоохотливый лейтенант. – Они нашли на тумбочке его значок и бумажник с удостоверением личности. Но, как я уже заметил, труп опознать невозможно, так что ничего определенного сказать пока нельзя.

– И как все это произошло?

– Послушай, Босх, я вообще-то занят. К тому же тебя это не касается; делом занимается отдел по расследованию...

– Ошибаетесь, лейтенант, меня это как раз касается. Вам следовало позвонить мне в первую очередь, и меня весьма интересует, что там такого случилось, если вы решили действовать через мою голову.

– Ну хорошо, Босх, расскажу... Нам позвонил хозяин этой помойки и сообщил, что у него в мотеле, в ванной седьмого номера, лежит труп. Мы сразу послали туда патруль, который подтвердил сообщение, но патрульные звонили по телефону – не по радио, – поскольку нашли полицейский значок и удостоверение, указывающие, что это тело Мура. Или предположительно тело Мура. В общем, с этим разберутся потом. Короче, я сразу перезвонил домой капитану Група, он информировал заместителя начальника полиции, и все дальнейшие решения принимались уже на самом верху. Полагаю, именно замнач распорядился известить «шляп» и не подключать к этому делу тебя. Вот как все было, так что если у тебя есть претензии, то ты обратился не по адресу. Разбирайся с Група или с заместителем шефа. Я чист. – Босх молчал. Он по опыту знал, что стоит ему иногда промолчать, и человек, располагающий интересной информацией, в конце концов сам заполнит паузу. – Следствие больше не в наших руках, – добавил Клейнман. – Черт побери, телевидение и «Таймс» уже на месте. И «Дейли ньюс» тоже. Они-то уверены, что это тело Мура, поэтому там черт знает что творится! Мне казалось, что пожар на холмах отвлечет внимание прессы, а нет! Их туда столько сбегалось, что мне теперь придется послать в мотель еще одну машину – сдерживать журналистов. Словом, Босх, радуйся, что тебя это не коснулось. Сегодня же Рождество!..

И все же разъяснения лейтенанта не успокоили Босха. Ему должны были позвонить в любом случае, и только он мог принять решение об участии ОРГУ в расследовании того или иного преступления. Теперь дело выглядело так, будто кто-то намеренно принял все меры, чтобы оставить его за бортом, и это не давало Гарри покоя.

Прощавшись с лейтенантом, он закурил новую сигарету и, достав из ящичка над раковиной служебный револьвер, прицепил его к ремню своих голубых джинсов. Затем накинул на зеленый армейский свитер легкую светло-коричневую куртку спортивного покроя.

Уже стемнело, и сквозь полупрозрачное стекло двери Босх ясно видел полосу огня, пересекающую темное ущелье. Эта изогнутая линия напомнила ему дьявольскую ухмылку, медленно ползущую вверх, к гребню. Из темноты внизу донесся вой койота. Тимидо был не то на луну, не то на огонь, не то жаловался кому-то, что остается в темноте один.

Глава 2

Спустившись с холмов, Босх оказался в Голливуде и, выбирая безлюдные улицы, добрался до Бульвара. На Бульваре не было ничего необычного. По тротуарам фланировали маленькие компании: постояльцы отелей, приезжие и беженцы, согнанные пожаром с насиженных мест. Там же важно прогуливались проститутки, и Гарри невольно фыркнул, задев девушку в красном колпаке Санта-Клауса. Бизнес оставался бизнесом, и даже в рождественскую ночь на скамейках автобусных остановок сидели изящно загримированные дамы, которые вовсе не ждали автобуса, во-первых, и не были женщинами – во-вторых. Гирлянды флажков и рождественских огней, натянутые поперек Бульвара над каждым перекрестком, соперничали с мигающими огнями неоновых реклам, придавая знакомым окрестностям вид неестественный и чуждый. Босх подумал, что перед праздником город стал похож на старую шлюху, которая нанесла на фасад слишком много косметики. Если, конечно, такое возможно в принципе...

Босх, однако, чувствовал себя подавленным вовсе не из-за того, что улицы по случаю праздника оделись в рождественский наряд. Он думал о Калексико Муре. Известия о его смерти Босх ждал уже целую неделю, с тех самых пор как Кэл не явился на общее построение. Как и большинство копов в голливудском участке, Гарри не сомневался, что Мур мертв. Вопрос заключался лишь в том, когда обнаружат его тело.

Сержант Калексико Мур возглавлял подразделение голливудского участка по борьбе с уличной торговлей наркотиками. На этой ночной работе группа Мура занималась только Бульваром. В участке было известно, что Кэл расстался с женой, с успехом заменив ее виски, – Босх узнал об этом одним из первых, когда однажды ему пришлось работать с Муром. Босх также понял: сержанта грызет что-то еще, кроме супружеских проблем и ранней профессиональной усталости. Однажды Мур вскользь упомянул о том, что отдел внутренних расследований копается в его личном деле, а это было достаточно неприятно само по себе.

Все, вместе взятое, несомненно, наложило на обычную предрождественскую депрессию, поэтому, услышав о том, что полиция объявила розыск Мура, Босх сразу догадался – Кэл мертв.

Того же мнения придерживались в управлении все, хотя никто не говорил об этом во всеуслышание. Даже пресса не слишком неистовствовала, что особенно удивляло. Правда, поначалу полицейские власти рассчитывали провернуть это дело втихую и старались не поднимать шума. Началось все с негласного опроса обитателей Лос-Фелиса, где жил Мур; за сим последовало несколько вертолетных рейдов над близлежащими холмами Гриффитс-парка, но стоило только кому-то из телерепортеров пронюхать о случившемся, как газеты и телестанции мигом оседлали эту тему и начали с завидной регулярностью публиковать отчеты о розысках пропавшего копа. Фотографию Мура поместили на стенд объявлений в зале для пресс-конференций Паркер-центра, и представитель полицейского управления обратился к общественности со стандартной просьбой о помощи.

Из всего этого получился неплохой драматический спектакль или, на худой конец, сюжет для добротного видеорепортажа: конные рейды, поиски с вертолетов, представительный полицейский чин, держащий в руках фотографию смуглолицего сержанта с серьезными и умными глазами. Но никто так и не сказал ни слова о том, что полиция ищет не Калексико Мура, а его труп.

Босх притормозил у светофора и лениво следил за тем, как переходит улицу человек-бутерброд, втиснутый между двумя рекламными плакатами. Его семенящий шаг был неровным и быстрым, а колени каждый раз наподавали по картонному щиту, так что

он подлетал в воздух. На щит была наклеена фотография Марса, сделанная со спутника. Небольшой участок поверхности планеты, испещренный расплывчатыми пятнами и похожий на человеческое лицо, был обведен кружком, а огромная надпись чуть ниже гласила: «КАЙТЕСЬ! ЛИК ГОСПОДА ГЛЯДИТ НА НАС!» Ту же самую фотографию Босх видел на обложке малоформатной газеты, которую просматривал, стоя в очереди в универмаге «Лаки». В газете, впрочем, утверждалось, что лицо, сформированное на поверхности Марса какими-то линиями и тенями, принадлежит Элвису Пресли.

Зажегся зеленый свет, и Босх поехал дальше, продолжая думать о Муре. Кроме одного вечера, когда они выпивали в джаз-баре в районе Бульвара, Босх почти не общался с покойным сержантом. Год назад Босха перевели из ОРГУ, и большинство полицейских в голливудском участке отнюдь не спешили близко с ним познакомиться, хотя обменивались с Гарри нерешительными рукопожатиями и вежливо улыбались. Босха это ничуть не удивляло, поскольку его выкинули из отдела по расследованию грабежей и убийств с подачи отдела внутренних расследований, поэтому он не обижался на такое поведение новых коллег. Мур, один из немногих, не совершал над собой никакого насилия и приветствовал Босха лишь коротким кивком, если им случалось столкнуться в коридорах или оказаться рядом на инструктаже. Возможно, причина была совсем в другом; отделение по расследованию убийств в детективном бюро, где трудился Босх, находилось на первом этаже, а БАНГ – именно такое название получила в связи с обстоятельствами группа Мура, что, впрочем, звучало гораздо лучше, чем нелепая «антинаркотическая группа с Бульвара», – на втором, благодаря чему Мур чувствовал себя вправе поглядывать на детектива чуть свысока. Однако один раз им все-таки пришлось сойтись коротко: Гарри встретился с сержантом, чтобы получить кое-какую информацию о деле, над которым работал, а Мур, воспользовавшись этим, выпил много пива и виски.

Звучное название БАНГ (и даже – иногда – БАНГ!), присвоенное группе Мура, очень нравившееся сотрудникам управления и не оставлявшее равнодушным ни одного журналиста, обозначало подразделение из пяти человек. Все они работали в тесной комнатенке, переделанной из кладовой. Эти копы обшаривали Голливудский бульвар по ночам и волокли в участок каждого, у кого в кармане находили сигарету с марихуаной. Подразделение БАНГ было статистическим, то есть создавалось с единственной целью – производить как можно больше арестов, чтобы обосновывать ими запросы об улучшении технического оснащения, об оптимизации штатной численности личного состава и – особенно – об увеличении ассигнований на оплату сверхурочных. То, что большинство из задержанных районный прокурор, как правило, выпускал на поруки, а остальных освобождал на месте, не имело никакого значения. Основной задачей группы оставалось наращивать количество арестов. Дело порой доходило до того, что если журналисты из «Таймс» или телевизионщики второго или четвертого каналов выказывали желание провести ночь в рейде вместе с подразделением БАНГ, им это охотно разрешали. Впрочем, подобные «статистические» подразделения имелись в каждом участке.

Возле Уэстерна Босх повернул на север и сразу увидел впереди желто-голубые мигалки патрульных машин и ослепительные, как молнии, вспышки фотокамер. В Голливуде подобной иллюминацией сопровождался либо случай насильственной смерти, либо премьеры – «первая ночь» – нового фильма, но Босх знал, что в этой части города первая ночь бывает только у тринадцатилетних проституток.

Он подрулил к тротуару за полквартала до мотеля «Убежище» и закурил сигарету. Кое-что в Голливуде оставалось неизменным всегда, только называлось всякий раз по-другому. Мотель «Убежище» был грязным клоповником уже три десятка лет назад, когда еще носил название «Эль-Рио», и с тех пор не стал ничуть лучше. Босх никогда не ночевал именно в нем, но этого и не требовалось – достаточно было родиться и вырасти в Голливуде, чтобы

знать все здешние значные места. В детстве Босх слишком часто останавливался с матерью, пока она еще была жива, в таких грязных мотелях.

Как и другие заведения этого пошиба, мотель представлял собой постройку сороковых годов со внутренним двориком, который днем затеняли ветви великолепного баньяна, росшего в самом его центре. Ночью все четырнадцать номеров погружались в непроглядную темноту; ее лишь слегка разгоняла красная неоновая вывеска. Гарри заметил, что в строке «ЦЕНА В СУТКИ» не горели буквы «В» и «Т».

Когда Гарри был мальчишкой, а «Убежище» называлось «Эль-Рио», этот район города уже медленно гнил, утопая в грязи; просто тогда здесь еще не было такого количества неоновых огней, а дома выглядели чуть свежее, что не относилось к людям. Босх помнил даже офис компании «Стримлайн модерн»; он походил на океанский лайнер со строгими линиями, бросивший якорь рядом с мотелем. С тех пор прошло много лет, корабль поднял паруса и ушел в неизвестном направлении, а на его месте образовался крошечный грязноватый скверик.

Глядя на мотель сквозь ветровое стекло своей машины, Босх подумал, какое это жалкое место. Оно не стоит даже того, чтобы оставаться здесь на ночлег, а уж тем более – умирать.

С этими мыслями он выбрался из машины и пошел пешком.

Желтую заградительную ленту, натянутую поперек входа во внутренний двор, охраняли несколько полицейских в форме.

Юпитеры освещали группу людей в костюмах, и один из них, чья чисто выбритая голова сверкала как бильярдный шар, отвечал на вопросы корреспондентов. Только подойдя ближе, Босх сообразил, что прожектора телевизионщиков ослепляют полицейских, поэтому они не видят, что происходит за спинами интервьюеров. Воспользовавшись этим, Босх быстро взмахнул своим значком перед носом одного из копов, расписался в ведомости присутствовавших на месте происшествия, которую тот держал в руках, и пролез под лентой в огороженное пространство.

Дверь в седьмой номер была распахнута настежь, и из комнаты лились потоки яркого света. Оттуда же доносился звук электрооргана, и Босх понял: обследование места преступления занимается Арт Донован, техник-криминалист, известный тем, что постоянно таскал с собой портативный радиоприемник. Приемник был всегда настроен на «Волну» – музыкальный канал, передававший современные мелодии. Донован утверждал, что музыка успокаивает его и помогает сосредоточиться на осмотре мест, где люди убивали или были убиты.

Босх вошел в дверь, прижимая ко рту и к носу сложенный вдвое носовой платок, но эта предосторожность ничего не дала. Едва он переступил порог, как на него хлынуло такое зловоние, какого Босх, пожалуй, еще никогда не ощущал. Донован стоял на коленях возле кондиционера и аккуратно напылял специальную пудру для взятия отпечатков пальцев на его рукоятки. Кондиционер был вмонтирован в стену чуть ниже единственного в комнате окна.

– Привет, – пробормотал Донован. Малярная маска предохраняла его от запаха и от случайного вдыхания спецпорошка. – Тело в ванной...

Босх, однако, не спешил и внимательно огляделся по сторонам; он не сомневался, что «костюмы», заметив его, сразу же попытаются выдворить из мотеля. Широкая кровать была застелена выцветшим розовым покрывалом, на сиденье единственного стула лежала сложенная газета. Подойдя ближе, Босх увидел, что это «Лос-Анджелес таймс» шестидневной давности. С другой стороны, в изголовье кровати, высился странный гибрид бюро и трельяжа, на столешнице которого стояла пепельница с одним окурком, докуренным до половины и раздавленным. Рядом с пепельницей лежали «смит-вессон» тридцать восьмого калибра в нейлоновой наплечной кобуре, кожаный бумажник и футляр для полицейского значка. Все

три предмета уже посыпали черной пудрой для снятия отпечатков пальцев. Прощальной записки на бюро Босх не увидел, хотя, на его взгляд, это было самое подходящее для нее место.

– Где же записка? – негромко спросил Босх, обращаясь скорее к самому себе, нежели к Доновану. Криминалист тем не менее откликнулся.

– Нету, – сказал он. – Ни здесь, ни в ванной. Можешь, кстати, туда заглянуть, если, конечно, не опасаясь продемонстрировать свой рождественский ужин.

Босх бросил взгляд вдоль короткого коридора, который начинался слева от кровати и вел в глубь здания. Дверь в ванную располагалась справа, и Гарри направился туда – впрочем, без особой охоты. Он слишком хорошо знал: нет ни одного копа, хотя бы раз в жизни не помышлявшего наложить на себя руки.

На пороге ванной комнаты Босх остановился. Покойник сидел на полу, на грязно-белой каменной плитке, и опирался спиной о ванну. В глаза Гарри сразу бросилась обувь – серые ковбойские сапожки с короткими и толстыми, скошенными вперед каблуками «бульдог» и приподнятыми носками. Он помнил их еще по тому вечеру, когда они с Муром напивались в джаз-баре. Один сапог был все еще на ноге трупа, и Босх рассмотрел эмблему фирмы-производителя на стоптанном каучуковом каблуке – змейку, изогнутую в форме буквы «S». Второй сапог стоял рядом. На разутую ногу в носке уже надели прозрачный пластиковый пакет для хранения вещественных доказательств. Носок когда-то был белым, во всяком случае, Босху так показалось. Сейчас он выглядел серым, а нога мертвого – слегка раздувшейся.

Рядом с дверным косяком валялась на полу двустволка двадцатого калибра с горизонтально расположенными стволами. Нижняя часть приклада была выщерблена, а на плитке пола лежала деревянная щепка дюйма четыре длиной, которую Донован или кто-то из детективов обвел голубым мелком.

Босх, однако, не долго размышлял над этими фактами. Он пытался запомнить всю картину, впитать в себя, чтобы потом без труда вызвать ее в памяти. Бегло оглядев ванную, Гарри повернулся к телу.

На Муре были джинсы и байковая клетчатая рубашка. Восковая кожа на руках мертвеца, вытянутых по швам, посерела. Разложение зашло так далеко, что пальцы раздулись как сосиски, а предплечья стали огромными и мощными, словно у Папая, мультипликационного пожирателя шпината. На правой руке Босх заметил деформированную татуировку – ухмыляющуюся дьявольскую рожу с нимбом святого над головой.

Верхняя часть тела Мура грузно навалилась на бортик ванны, а голова запрокинулась назад так далеко, будто Кэл собирался мыть волосы перед смертью. Впрочем, Босх довольно быстро сообразил, что это ему только померещилось, ибо головы у трупа не было. Заряд из двух стволов двадцатого калибра разнес ее на куски. Бледно-голубая плитка у основания ванны была сплошь залита черной свернувшейся кровью; некоторые плитки треснули в тех местах, куда попали вылетевшие из ствола картечины.

Почувствовав, что кто-то стоит у него за спиной, Босх обернулся и встретился с суровым взглядом заместителя начальника полиции Ирвина Ирвинга. К удивлению Босха, Ирвинг не надел респиратор и не пытался защититься от запаха даже платком.

– Добрый вечер, шеф.

Ирвинг кивнул и спросил:

– А вы здесь зачем, детектив?

Босх увидел достаточно, чтобы в уме его сложилась картина происшедшего. Он отступил в сторону и, обогнув Ирвинга, пошел к выходу из номера. Ирвинг молча следовал за ним. Навстречу им попались два техника медэкспертизы в одинаковых голубых комбинезонах.

Выйдя из номера, Босх бросил носовой платок в урну, принесенную откуда-то полицейскими. Закуривая сигарету, он заметил в руках у Ирвинга картонную папку досье.

– Я услышал сообщение по сканеру, – ответил Босх, – и решил, что мне следует приехать, раз уж я сегодня дежурный детектив. Это мой район, и вызвать в общем-то следовало меня...

– Да, я в курсе. Но когда стало ясно, кому принадлежит труп, я передал дело ребятам из ОРГУ. Капитан Група связался со мной, и я принял такое решение.

– Значит, тело точно принадлежит Калексико Муру?

– Не совсем. – Ирвинг взмахнул картонной папкой. – Я прошелся по личному делу Мура и нашел его отпечатки. Уверен, это будет решающим фактором. Кроме того, личность можно установить и по зубам; в данном случае, однако, все зависит от того, насколько пригодна для идентификации то, что нам осталось. Все прочие обстоятельства указывают на то, что это именно Мур. Во-первых, номер был снят на имя Родриго Мойи, а этим псевдонимом Мур пользовался для оперативной работы. Во-вторых, позади мотеля стоит «мустанг», арендованный на то же имя. На мой взгляд, в настоящий момент нет почти никаких оснований сомневаться, что сержанта Мура мы нашли.

Босх кивнул. Ему приходилось иметь дело с Ирвингом и раньше, когда тот служил заместителем начальника отдела внутренних расследований. Теперь он стал заместителем начальника городского управления, одним из высших чинов полиции, и в его компетенцию входили не только внутренняя безопасность, но и оперативно-розыскная деятельность по делам, связанным с наркотиками, и детективные службы. Прикинув все это в уме, Босх на мгновение задумался, не благоразумнее ли промолчать, чем добиваться от Ирвинга ответа на вопрос, почему все-таки ему не позвонили.

– Мне обязаны были позвонить, – сказал Босх наконец. – Это дело должно было стать моим. У меня отняли дело прежде, чем я его получил.

– Ну вот что, детектив, – желчно заметил Ирвинг, – пока работа управления организована таким образом, что вести дела следователей назначаю я. Или вы не согласны? В любом случае вам не из-за чего так расстраиваться. Давайте считать, что я существенно упростил стандартную процедуру, поскольку случаями смерти полицейских должно заниматься ОРГУ. В конце концов, вам все равно пришлось бы передать дело им, так что я сэкономил и ваше и свое время. Кроме простой целесообразности, в моем решении нет никаких скрытых смыслов и мотивов, как бы вы ни искали их. Мы нашли тело офицера полиции, и наш долг перед ним и перед его семьей состоит в том, чтобы закончить расследование обстоятельств его смерти – какими бы они ни были – быстро и профессионально.

Босх еще раз кивнул и огляделся. У самого входа в мотель, под вывеской «ЦЕНА... СУ...КИ», он заметил Шихана, детектива ОРГУ. Тот допрашивал мужчину лет шестидесяти. Несмотря на прохладу, мужчина был в светлой майке. Во рту он держал раскисший окуроч сигары, и Босх догадался, что это управляющий мотелем.

– Вы что, были знакомы? – спросил Ирвинг, переходя на доверительный тон.

– С Муром? Нет, не очень... То есть отчасти да. Мы служили в одном участке, поэтому, разумеется, знали друг друга. Мур часто работал в ночную смену, к тому же нес службу главным образом на улице. Мы довольно редко встречались...

Босх так и не понял, с чего это ему вдруг взбрело в голову приукрасить действительность. Так или иначе, Гарри не хотелось, чтобы по его голосу Ирвинг понял, что детектив Босх лжет, и он поспешил сменить тему:

– Значит, это самоубийство? А репортерам вы сказали об этом?

– Я еще ничего никому не говорил, особенно репортерам, – с неожиданной жесткостью отрезал Ирвинг. – Я беседовал с ними, верно, однако о предполагаемой личности убитого не сообщил ничего и не сообщу до тех пор, пока наши догадки не подтвердятся официально. Мы с вами – в своем профессиональном кругу – можем говорить, что это действительно сержант Мур, с определенной степенью уверенности, но репортеры – дело другое. Они не

дождутся от меня ни полслова, пока мы не проведем все положенные экспертизы и не расставим все точки над *i* в свидетельстве о смерти! – Словно желая придать вес своим словам, Ирвинг шлепнул себя по бедру картонной папкой. – Вот зачем я взял с собой его личное дело. Отпечатки пальцев попадут к экспертам вместе с телом, что намного ускорит дело. – Он обернулся к дверям злополучного седьмого номера. – Вы уже побывали внутри, детектив Босх? Расскажите, что вы там видели.

Гарри ненадолго задумался. Его интересовало, действительно ли случившееся небезразлично Ирвингу или заместитель начальника полиции давал подчиненному детективу почувствовать длину поводка, ограничивающего его свободу. Босх впервые столкнулся с Ирвингом вне рамок предпринятого отделом внутренних расследований дознания, в котором тот играл роль его противника.

Гарри решил попытать счастья.

– Все выглядит так, словно пострадавший сел на пол возле ванны, снял ботинок и нажал на спусковые крючки большим пальцем ноги... – Босх слегка пожал плечами. – Судя по тому, как сильно пострадала голова, это был выстрел в упор из обоих стволов. Под действием отдачи двустволка отлетела к порогу ванной комнаты и врезалась в косяк с такой силой, что от приклада откололся кусок. Мозги, естественно, полетели в противоположную сторону – в стену комнаты и в бортик ванны. Вывод напрашивается сам собой – типичный суицид.

– Вот как? – хмыкнул Ирвинг. – Стало быть, я могу сказать детективу Шихану, что его мнение совпадает с вашим. Иными словами, достигнут такой же результат, как и в том случае, если бы вам позвонили первому. Никто не должен чувствовать себя в обиде.

– Не в этом дело, шеф.

– А в чем, Босх? В том, что вам не дают довести это дело до конца? Что в полицейском управлении не вы принимаете руководящие решения? Я начинаю терять терпение, детектив, а мне очень хотелось бы, чтобы ничего подобного со мной больше не случилось. Не вынуждайте меня...

Ирвинг стоял так близко, что Босх ощущал на лице его дыхание, отдававшее грушевой жевательной резинкой. Гарри казалось, будто он пригвожден к полу, и у него промелькнула мысль, что это, вероятно, сделано нарочно. Овладев собой, он отступил назад и спокойно сказал:

– Но Мур не оставил предсмертной записки.

– Да, пока мы не нашли ее. Как вы справедливо заметили, детектив, кое-что еще нужно проверить.

Босх задумался о том, что именно имел в виду Ирвинг. Кабинет Мура и его квартиру внимательно осмотрели сразу после исчезновения сержанта. Обследовали и дом его бывшей жены. Что же еще он упустил? Может, Мур отправил свою прощальную записку по почте? Но в таком случае ее уже давно доставили бы.

– Когда это случилось? – спросил Босх.

– Если нам повезет, результаты вскрытия станут известны завтра утром, однако мне представляется, что Мур покончил с собой вскоре после того, как зарегистрировался в этом мотеле, то есть шесть дней назад. При первом допросе управляющий упомянул, что с тех пор ни разу не видел Мура выходящим из номера. Эти показания подтверждаются состоянием тела, комнаты и датой на газете.

Услышав, что результаты вскрытия станут известны завтра утром, Босх наострил уши. Обычно аутопсия занимала не менее трех дней, а для рождественских праздников даже этот срок казался невероятно коротким. Определенно Ирвинг нажал немало пружин и использовал все свое влияние, чтобы добиться такой завидной оперативности.

Ирвинг, похоже, угадал его мысли.

– Временно исполняющая обязанности руководителя лаборатории согласилась провести вскрытие завтра утром, – важно пояснил он. – Я объяснил ей, что любая задержка послужит для прессы сигналом к нездоровым измышлениям, поэтому, затягивая дело, мы поступим в высшей степени непорядочно по отношению к вдове и к полицейскому управлению. Медэкспертиза пошла нам навстречу. В конце концов, любой временно исполняющий обязанности стремится стать постоянным и знает цену сотрудничеству. – Босх промолчал. – Итак, завтра утром все будет ясно. Пока же повторяю, что никто, включая управляющего, не видел сержанта Мура с тех пор, как он прописался в мотеле шесть дней назад. Если быть точным, Мур специально просил, чтобы его не беспокоили. Вот почему я думаю, что он застрелился вскоре после своего исчезновения.

– Тогда почему его не нашли раньше?

– Заплатив за месяц вперед, он потребовал, чтобы его ни в коем случае не тревожили. В таком месте, как это, не стоит рассчитывать на ежедневные визиты горничной, к тому же управляющий решил, что перед ним горький пьяница, который либо пытается выйти из запоя, либо, напротив, вошел в штопор. Да только ему не приходится проявлять особую привередливость к клиентам. Плата за месяц вперед составила шестьсот долларов, поэтому он без разговоров взял деньги и сделал все так, как ему велели. Одному Богу известно, сколько бы времени это продолжалось, если бы жена управляющего не заметила, что «мустанг» – «машина мистера Мойи» – взломан. Это случилось прошлой ночью, и они решились поставить владельца в известность. Кроме того, их одолевало любопытство. Сначала управляющий и его жена постучали в дверь, но никто не откликнулся. Тогда они воспользовались универсальным ключом, а запах поведал им, что произошло, как только они открыли дверь...

Ирвинг упомянул также, что Мойя – Мур включил кондиционер на полную мощность, поставив его на максимальное охлаждение, чтобы замедлить разложение и удержать запах в пределах комнаты. С этой же целью под входную дверь он подоткнул мокрые полотенца.

– И никто не слышал выстрела? – уточнил Босх.

– Мы, во всяком случае, никого не нашли. Жена управляющего почти глуха, а сам он утверждает, что ничего подозрительного не слышал. Впрочем, они действительно живут в самой дальней комнате, в другом крыле. Ближайшие к мотелю здания – склад и офис какой-то компании; и то и другое на ночь закрывается. Сразу за мотелем переулок, почти необитаемый. Можно, правда, поработать со списком жильцов и вычислить всех, кто снимал здесь комнаты в течение первых дней пребывания Мура, но управляющий божится, что номера по соседству он никому не сдавал. Наверное, боялся, что Мур начнет шуметь, если у него вдруг кончится пойло.

Кроме того, детектив Босх, в дневные часы это довольно оживленная улица, а автобусная остановка расположена прямо напротив мотеля. Весьма вероятно, что выстрела никто не слышал, а если и слышал, то не понял, что к чему.

– Чего я не понимаю, так это зачем он снял номер на месяц, – заметил Босх. – Почему? Если Мур собирался прикончить себя, то для чего ему понадобилось принимать особые меры, чтобы скрывать свою смерть как можно дольше? Почему бы не застрелиться так, чтобы дать другим спокойно найти твое тело и поставить на этом точку?

– Это действительно непростой вопрос, – согласился Ирвинг. – Мне кажется, он заботился о своей жене. – Босх слегка приподнял брови. Он не постиг смысла этого изящного рассуждения. – Хоть они и расстались, – пояснил Ирвинг, – Мур, возможно, не хотел, чтобы все это свалилось на нее в праздники. Вот он и постарался задержать дурные новости хоть на пару недель или даже больше, если повезет.

Босх счел объяснение слишком искусственным, притянутым за уши, но в данный момент ничего лучшего предложить не мог. Между тем Ирвинг переменял тему, давая понять, что дальнейшее присутствие Босха на месте происшествия нежелательно.

– Как ваше плечо, детектив?

– Отлично.

– Я слышал, вы ездили выздоравливать в Мексику, а заодно совершенствовали свой испанский?

Босх не ответил. Пустой разговор не интересовал его. Больше всего ему хотелось сказать Ирвингу, что, несмотря на обилие вещественных доказательств и правдоподобных объяснений, собранных следствием, место происхождения ни в чем не убедило его. Однако почему ощущение неуверенности не покидало Босха, он и сам не понимал, а потому предпочел помалкивать.

Ирвинг между тем продолжал развивать свою мысль:

– Мне всегда казалось, что наши офицеры – я говорю, разумеется, не о тех, кто родился в испано-язычных семьях, – не прилагают должных усилий, чтобы овладеть вторым языком, самым распространенным в городе после английского. Мне хотелось бы, чтобы все управление...

– Нашли записку! – крикнул из номера Донован.

Ирвинг тут же отвернулся от Босха и, не проронив больше ни слова, вошел в номер. Шихан в сопровождении еще одного «костюма», в котором Босх признал детектива ОВР Джона Частина, поспешил за шефом. Помедлив мгновение, Босх тоже вернулся в номер семь.

Один из техников медэкспертизы стоял в коридорчике возле двери ванной комнаты, остальные сгрудились вокруг него, и Босх пожалел, что выбросил носовой платок. Не выпуская изо рта сигареты, он глубоко затянулся.

– Она была в правом заднем кармане, – пояснил медэксперт. – Бумага залита сукровицей, но разобрать, что там написано, можно. К счастью, записка сложена пополам, поэтому ее внутренняя поверхность почти не пострадала.

Ирвинг попятился из коридора, держа перед глазами пластиковый пакет с клочком бумаги внутри. Теперь уже вокруг него столпились детективы и техники, и только Босх благоразумно держался в стороне.

Бумага казалась такой же серой, как и кожа Мура. Босх различил на ней только одну строку, написанную синими чернилами, но тут Ирвинг повернулся к нему.

– Детектив Босх, что вы тут делаете?

Свои слова он сопровождал таким взглядом, словно увидел Гарри впервые в жизни, и Босх сразу прикусил язык, хотя мгновение назад чуть не спросил, что же сказано в записке. По лицу детектива Частина скользнула довольная ухмылка.

У желтой заградительной ленты Босх остановился, чтобы закурить еще одну сигарету. Услышав цокот высоких каблучков по асфальту, он повернулся и увидел стройную блондинку, в которой сразу узнал телеведущую «Канала-2». Журналистка спешила к нему с радиомикрофоном в руке и фальшивой улыбкой фотомодели. Отработанным движением она сунула свой микрофон Гарри под нос и уже открыла кукольный ротик, чтобы задать вопрос, но не успела. Перебив ее, Босх быстро произнес:

– Без комментариев. Я не занимаюсь этим делом.

– Не скажете ли хотя бы несколько слов о...

– Нет.

Улыбка мгновенно сползла с лица журналистки. Она сердито отвернулась, однако уже в следующий момент ее каблучки снова застучали по мостовой: сопровождаемая оператором с камерой на плече, ведущая бодро выдвигалась на передовую позицию, чтобы сделать крупный план для начала своего репортажа. Из дверей мотеля показались носилки с телом, и лампы-вспышки сверкали почти без перерыва. Шесть телеоператоров образовали живой коридор; сквозь него двигались два медэксперта, толкая перед собой тележку с накрытым

простыней трупом. Они устремились к голубому фургону труповозки, ожидавшему неподалеку. Позади Гарри заметил Ирвинга. Мужественно выпрямившись, тот шел в арьергарде процессии, впрочем – не так далеко, чтобы не попасть в поле зрения телекамер. Ведь любое появление в вечерних «Новостях» лучше, чем ничего, для человека, метящего на должность начальника полиции.

После торжественного выхода окрестности начали быстро пустеть. Репортеры, копы, операторы – все разъезжались по своим делам. Снова поднырнув под желтую ленту, Босх стал разыскивать Донована или Шихана, но почти сразу наткнулся на Ирвинга.

– Вот что, детектив, – сказал шеф Босху. – Поразмыслив, я пришел к выводу, что вы тоже можете кое-что сделать. Детектив Шихан должен пока остаться здесь, опечатать место происшествия и принять другие меры, чтобы не допускать посторонних. Мне же хотелось бы опередить прессу в том, что касается жены Мура. Не возьмете ли на себя труд уведомить ее о случившемся? Разумеется, ничего еще нельзя сказать определенно, но она должна быть более или менее в курсе дела.

Босх, весьма убедительно разыгрывавший негодование несколько минут назад, не посмел отказаться. Он так хотел участвовать в расследовании, что Ирвинг сжалился и бросил ему кость.

– Давайте адрес, – вздохнул Босх.

Через несколько минут, когда Ирвинг уехал, а патрульные начали сматывать желтую ленту, Босх увидел Донована. Тот медленно шел к своему фургону с дробовиком в руках. Ружье было завернуто в несколько пластиковых пакетов.

Поставив ногу на бампер труповозки, Босх сделал вид, будто завязывает шнурок, пока Арт засовывал ружье в картонную коробку из-под вина «Напа-Вэлли».

– Что тебе надо, Гарри? – спросил Арт. – Я ведь только сейчас сообразил, что тебе здесь быть не полагается, поскольку ты вроде не занимаешься этим делом...

– То было раньше, – возразил Босх. – Но теперь все изменилось. Меня только что включили в бригаду и поручили известить ближайших родственников.

– То еще порученьице...

– Приходится брать то, что дают. Кстати, что там говорилось?

– Где?

– В записке Мура.

– Послушай, Гарри, ты же понимаешь...

– Послушай, Донни, – в тон ему отозвался Босх, – Ирвинг только что поручил мне известить жену Мура. Неужели это не доказывает, что я не посторонний? Я хочу одного: узнать его последние слова. Я был знаком с ним, понимаешь? Дальше меня это не пойдет, даю слово.

Донован тяжело вздохнул и, сунув руку в коробку, начал ворошить пластиковые пакеты с вещественными доказательствами.

– Там написано совсем немного, – пробормотал он, – и ничего важного...

Он включил фонарик и направил его луч на пакет с запиской. Там действительно была только одна строчка:

«Теперь я знаю, кто я такой...»

Глава 3

Судя по адресу, который дал ему Ирвинг, дом жены Мура располагался в Каньон-кантри, примерно в часе езды к северу от Голливуда. Сначала Босх ехал на север по Голливудскому шоссе, потом свернул на магистраль «Золотой штат» и по ней добрался до темного ущелья, пересекающего горы Санта-Сузанна. Дорога в этот час не была перегружена; большинство потенциальных водителей сидели по домам, наслаждаясь жареной индейкой и напиваясь. Босх подумал о Калексико Муре, о том, что он сделал и что оставил после себя.

«Теперь я знаю, кто я такой...»

Босх не догадывался о том, что имел в виду умерший полицейский, когда нацарапал эту строчку на листке бумаги и засунул ее в задний карман. Казалось, только их встреча в том дымном кабаке могла бы навести Гарри на мысль, кто такой Мур. Однако извлечь что-либо вразумительное из двух часов, проведенных вместе с этим циничным и мрачным типом, стремившимся поскорее напиться, не удавалось. Да и о том, что случилось с Кэлом потом, Босх не имел никакого представления. Между тем знать, как вышло, что защищавшая Мура броня дала трещину, наверняка было бы и важно, и поучительно.

* * *

Расслабившись за рулем, Гарри начал вспоминать свою встречу с Муром. С тех пор прошло несколько недель, да и настаивая на этом свидании, Босх преследовал чисто служебные цели. Каким-то образом, однако, получилось так, что все два часа они говорили в основном о делах и проблемах Кэла.

Встретились они во вторник вечером в баре «Каталина». Для Мура уже наступили служебные часы, но бар – по совместительству джаз-клуб – находился всего в полуквартале к югу от Бульвара. Босх ждал сержанта в дальнем конце стойки: для копов здесь всегда находилось укромное местечко. Мур, сев на табурет рядом, сразу заказал себе порцию виски и пиво – то же, что стояло перед Босхом.

Сержант был в джинсах и свободном спортивном свитере навыпуск, свисавшем много ниже пояса. Эту стандартную одежду полицейского-оперативника, работающего «в поле», Мур носил с привычной непринужденностью. Джинсы на бедрах вытерлись и из голубых стали серыми, засаленные рукава были закатаны, а из-под правого выглядывала татуировка на руке – дьявольская маска.

Одежда оборванца шла ему, не делая его отталкивающим, однако сегодня лицо Мура покрывала неряшливая трехдневная щетина, походка была неуверенной, а во всем его облике сквозила растерянность заложника, отпущенного террористами после долгого и мучительного плена. На фоне остальных завсегдатаев «Каталины» Мур выглядел как мусорщик на свадьбе.

Когда он сел, Гарри заметил, что Мур зацепился каблуками своих ковбойских сапог за перекладину табурета. Такие серые сапоги из змеиной кожи, со скошенными вперед каблуками «бульдог» носят ковбои, выступающие на родео с лассо. Подобная форма каблуков помогает им крепче упираться в землю, чтобы смирить заарканенного бычка. Гарри знал также, что уличные копы называли эти каблуки кастетами, поскольку они выполняли те же функции, если полицейским приходилось приводить в чувство одуревшего от «пыльцы ангелов»² подозреваемого.

² «Пыльца ангелов» – жаргонное название наркотического вещества фенциклидина.

Сначала Гарри и Мур курили и перебрасывались незначительными фразами, пытаясь познакомиться поближе и установить, в каких границах должна протекать их дальнейшая беседа. Босх, помнится, даже заметил, что имя Калексико выдает смешанное происхождение его собеседника. Действительно, смуглая кожа, черные как смоль волосы, узкие бедра и широкие плечи резко контрастировали с цветом его глаз. Глаза Мура были словно у калифорнийского серфингиста, то есть зеленые, как антифриз. Вместе с тем в том, как Мур выговаривал слова, не было ни намека на мексиканский акцент.

– Насколько я помню, прямо напротив Мехикали есть такой приграничный город – Калексико, – сказал Босх. – Тебе не приходилось бывать там?

– Я там родился, – ответил Мур. – В честь этого городка меня и назвали.

– Жаль, что я там ни разу не был.

– Ты ничего не потерял. Это обычный пограничный городок, как две капли воды похожий на все остальные. Я до сих пор иногда езжу туда.

– У тебя там остался кто-то из родных?

– Нет. Больше нет. – Мур махнул рукой бармену, давая знак повторить, потом прикурил сигарету от своего окурка, который докурив до самого фильтра. – Ты, кажется, хотел о чем-то расспросить меня, – сказал он.

– Да, конечно. Я веду одно дело...

Подали новую порцию виски. Мур опрокинул свой бокал одним быстрым движением и заказал следующий еще до того, как бармен успел сделать отметку мелом на доске.

Босх стал выкладывать обстоятельства дела, расследование которого начал несколько недель назад. Несмотря на этот внушительный срок, ему так и не удалось добиться никакого прогресса. Тело тридцатилетнего Джеймса Каппалани из Оаху, Гавайи, чью личность установили по отпечаткам пальцев, было обнаружено под эстакадой в том месте, где Голливудское шоссе пересекало Гувер-стрит. Погибшего задушили куском стальной проволоки длиной восемнадцать дюймов. Деревянные рукоятки на ее концах предназначались, видимо, для того, кто собирался затянуть удавку на горле жертвы. Грязную работу проделали весьма умело, и лицо мертвеца приобрело синевато-серый оттенок свежей устрицы, что дало повод патологоанатомам прозвать Каппалани Голубым Гавайцем.

Поработав с компьютерами департамента юстиции и Национальной картотеки преступности, Босх скоро выяснил, что в миру погибший был больше известен под именем Джимми Каппса, а список его задержаний за торговлю наркотиками такой же длинный, как и проволока, оборвавшая его жизнь.

– Поэтому меня ничуть не удивило, что патологоанатом обнаружила в животе этого парня сорок два презерватива, – закончил Босх.

– Что в них было?

– Обычное гавайское дерьмо, называемое здесь «стеклом». Как мне сказали, это вариант знаменитого «льда», популярного несколько лет назад. Джимми Каппс оказался курьером – подрабатывал перевозкой «стекла» в желудке. Вполне возможно, он только что прилетел из Гонолулу и сразу же попал в руки какому-то сноровистому парню с проволокой. Что касается «стекла», то я слышал, будто это довольно дорогая штука, да и конкуренция среди продавцов весьма высока. Вот почему мне хотелось получше узнать всю кухню; может, тогда я набреду на какую-нибудь стоящую идею – кто убил этого парня и за что. Пока же у меня ничего нет, ни одной мало-мальски пригодной версии.

– Кто рассказывал тебе о «стекле»?

– Копы – специалисты по наркотикам из Центрального района. Признаться, их сведения мне почти ничем не помогли.

– Это потому, что на самом деле никто ничего не знает. Тебе рассказывали, что такое «черный лед»?

– Совсем мало. По их словам, это конкурирующий товар, который поступает из Мексики. Вот, собственно, и все.

Мур повернулся к бармену, который отошел к дальнему концу стойки, как будто демонстративно избегая их.

– Это относительно новая штука, – доверительно начал Мур. – Хотя фактически «черный лед» и «стекло» – одно и то же. Действуют они, во всяком случае, одинаково. «Стекло» попадает к нам с Гавайев, а «черный лед» – из Мексики. На официальном языке я назвал бы его наркотиком двадцать первого века, а случись мне рекламировать его, я объяснял бы, что это снадобье способно заменить все. Изготавливается «лед» из смеси героина, кокаина и «звездной пыли», в результате чего получается настоящий термояд; он проберет кого угодно и удовлетворит любые желания. Кайф от него сильнее, чем от крэка, долгий, как от героина, причем счет идет не на минуты, а на часы. Напоследок в дело включается «пыль» – она дает наркоману истинное блаженство, и потом «лед» не променяешь ни на что на свете. Откровенно говоря, я человек не трусливый, но мне страшно даже подумать, что эта дрянь может появиться на улицах. Стоит торговцам дорваться до главного рынка, и «лед» уже ничем не остановишь. Когда по улицам будет бродить кучка зомби с дырками вместо мозгов, наступит новый ледниковый период.

Босх промолчал. То, что сказал Мур, он в основном знал, но перебивать вопросами разговорившегося сержанта не решался. Закурив сигарету, Гарри ждал продолжения.

– Все началось на Гавайях, в Оаху. Они там готовили «лед», просто «лед», как он тогда назывался. Эта смесь «пыли» и кокаина приносила отличный доход. Постепенно, однако, технология развивалась, и в букет стали добавлять героин, отличный белый героин азиатского производства. Конечный продукт назывался «стеклом». «Чистый как стекло» – вот как о нем говорили. Только в этом бизнесе нет никаких ограничений: им правят цена и доход... – Мур поднял вверх обе руки, чтобы подчеркнуть значение этих двух факторов. – Гавайцы производили отличную качественную штуку, но перед ними встала одна проблема: им было трудно доставлять свою продукцию на материк. С островов в Штаты можно попасть либо самолетом, либо на лодках, причем и то и другое не очень надежно. Конечно, кое-что можно сделать, однако должной – или по крайней мере значительной – степени рентабельности перевозок добиться весьма трудно. В конце концов гавайцам пришлось остановиться на живых курьерах; те плотают эту дрянь и летят самолетом. Однако и этот способ не так прост, как кажется. Во-первых, каждый курьер может перевезти крайне ограниченное количество «стекла». Сколько резинок вы нашли в этом парне? Сорок две? Это примерно сто граммов, не так уж и много. Кроме того, Администрация по контролю за применением законов о наркотиках хватает курьеров в самолетах и аэропортах. Они специально ищут таких, как Каппс, которых называют гондоноглодателями, причем делают это довольно хорошо. Их аналитики даже составили список примет, заслуживающих особого внимания. Например, если человек обильно потеет, но губы у него остаются сухими – а таково главное побочное действие антидиаретиков, – значит, это клиент АКН, а гондоноглодатель пьет капектат, будто кокаколу. Это выдает их со всеми потрохами...

Все это я рассказываю к тому, что мексиканцам в этом отношении не в пример легче: им способствует география. У тамошних контрабандистов тоже, конечно, есть катера и самолеты, но у них есть еще и двухтысячемильная граница, которой, считай, просто не существует, если рассматривать ее с точки зрения труднопреодолимости. Говорят, федеральные пограничные власти задерживают едва ли один фунт кокаина из десяти, которые проносят мимо них. Что же касается «черного льда», то на границе не удастся задержать вообще ни унции. Я, например, еще ни разу не слышал, чтобы кто-то засыпался на мексиканской границе со «льдом»... – Мур ненадолго замолчал, закуривая. Пока он держал спичку, Босх заметил, как сильно дрожат его пальцы. – Мексиканцы украли рецепт изготовления этой смеси, –

продолжил Кэл, глубоко затянувшись и выпустив изо рта клуб дыма. – После этого они начали воспроизводить «стекло» у себя, однако в своей кухне использовали доморощенный, бурый героин, вовсе не стараясь очистить конечный продукт от смол. Ну, знаешь, от всякой дряни, скапливающейся на дне перегонного куба. Из-за большого количества посторонних примесей мексиканское «стекло» получилось очень темным – вот почему его прозвали «черным льдом». Самое главное, однако, заключается в том, что себестоимость «черного льда» гораздо ниже, транспортировка его тоже стоит ничтожно мало, да и масштабы ее значительно шире. Мексиканцы и продают свою стряпню куда дешевле, а это в торговле, сам понимаешь, не последнее дело. Иными словами, они почти вышибли гавайцев с рынка, а ведь это было их, гавайское изобретение.

Судя по интонации, Мур собирался на этом закончить, и Босх быстро задал ему свой первый за вечер вопрос:

– Может, это мексиканцы организовали охоту за гавайскими курьерами, чтобы побыстрее расчистить рынок? Ты не слышал об этом?

– Нет, пока не слышал. Не забывай, что хотя мексиканцы и производят «дурь», но они не обязаны сами продавать ее на улицах. Прежде чем товар попадает непосредственно к продавцам, он несколько раз переходит из рук в руки.

– Но мексиканцы тем не менее должны всем этим руководить?

– Верно. Вот это – верно.

– Так кто же прихлопнул Джимми Капса?

– Помилуй, Босх, я впервые услышал о нем от тебя.

– Твоя группа еще не арестовывала распространителей «черного льда»? Не брала их за шиворот и не трясла как следует?

– Ну, несколько человек через нас прошло, но все это мелкая рыбешка, все стоят на самых нижних ступенях этой длинной-длинной лестницы. Разумеется, все они – белые, как и большинство торговцев кокаином на Бульваре. Белым легче заниматься этим бизнесом, однако из этого совсем не следует, что товар им поставляют не мексиканцы. Это также не означает, что «дурь» поступает к ним не от банд из Саут-Сентрал, поэтому произведенные нами аресты вряд ли будут тебе чем-нибудь полезны.

Отвлечшись от своего рассказа, Мур стукнул пустой пивной кружкой по стойке, пытаясь привлечь внимание бармена. Когда тот подошел, Мур велел повторить заказ. Пьянеющий сержант понемногу погружался в состояние мрачной отчужденности, а Босх еще не получил от него никакой помощи.

– Мне нужно продвинуться в этом деле, – проговорил он. – Не сможешь ли хоть чем-нибудь? Мое дело тянется уже три недели, а я никак не сдвинулся с мертвой точки. Я должен либо раскрыть его, либо признать свою несостоятельность.

Мур смотрел на бутылки, выстроившиеся на полках в глубине бара.

– Я подумаю, может, что и выйдет, – пообещал он наконец. – Только не забывай, что мы не тратим время на «черный лед». Наша специальность – марафет, «звездная пыль», изредка – марихуана. Именно этим мы и занимаемся ночи напролет. Никакой экзотики, Босх; нас держат для улучшения отчетности, не более того. На твоё счастье, у меня есть знакомый в АКН. С ним я и потолкую...

Босх взглянул на часы. Было около полуночи, и ему хотелось встать и уйти. Он посмотрел на Мура: тот закуривал очередную сигарету, хотя предыдущая дымилась рядом с ним в переполненной пепельнице. На стойке перед Босхом стояла порция виски и почти нетронутое пиво, однако он поднялся и пошарил в карманах в поисках мелких денег.

– Спасибо, – сказал он Муру. – Дай знать, если появится что-нибудь интересное.

– Конечно, – машинально откликнулся Мур и неожиданно воскликнул: – Эй, Босх!.. Я кое-что слышал о тебе... ну, из того, что болтали у нас в участке. Ты как будто работал

раньше в Паркер-центре, в этом заповеднике «костюмов»... Скажи, тебе не приходилось сталкиваться с одним деятелем из ОВР по фамилии Частин?

Босх задумался, припоминая. Джон Частин считался одним из лучших детективов в отделе внутренних расследований, где все рассмотренные жалобы неофициально классифицировались как «поддержанные», «недоказанные» и «необоснованные». Те, что попадали к Частину, непременно оказывались «поддержанными».

– Я слышал о нем, – осторожно ответил Босх. – У него третий класс, и он вроде бы возглавляет одну из секций.

– Да знаю я, что у него третий класс! – раздраженно отозвался Мур. – Об этом каждая собака знает. Я не то хотел спросить... Скажи, он не один из тех, кто охотился за твоей шкурой, чтобы сделать из нее коврик для ботинок?

– Нет. Каждый раз это оказывался кто-нибудь другой.

Мур кивнул и, протянув руку, взял со стойки бокал с виски, стоявший перед Босхом, и осушил его.

– Судя по тому, что ты слышал о нем... Можно ли сказать, что Частин хорошо справляется со своим делом? Или это просто еще один «костюм», у которого от сидения на стуле лоснится задница?

– Это зависит от того, что понимать под словом «хорошо». Впрочем, не думаю, что кто-то из них действительно хороший детектив – на такой работе хороших детективов не держат, – но стоит дать ОВР шанс, и любой из тех ребят сожрет тебя с потрохами и не подавится.

Босха так и подмывало спросить Кэла, в чем, собственно, дело, но ему совсем не хотелось снова ввязываться во что-то, связанное с ОВР. Мур молчал, давая ему возможность поразмыслить, и Гарри в конце концов решил держаться от всего этого подальше.

– Если они возьмут тебя в серьезный оборот, – предупредил он, – ты ничего не сможешь сделать. Лучше сразу позвонить в профсоюз, выбрать адвоката и полностью положиться на него. Пусть «костюмы» сами докапываются до всего, что им нужно; не говори им того, чего не должен говорить.

Мур кивнул. Гарри положил на стойку двадцатидолларовую банкноту, надеясь, что ее хватит и на оплату счета, и на чаевые для бармена. И вышел.

С тех пор он больше никогда не видел Мура.

* * *

Свернув на магистраль Антилопа-Вэлли, Босх поехал на северо-восток. На эстакаде Санд-Каньон он бросил взгляд на пробегавшее внизу шоссе и увидел мчащийся на юг белый фургон телевизионщиков с цифрой 9 на борту. Это означало, что к тому времени, когда Босх доберется до места, жену Мура скорее всего уже обо всем известят. Подумав об этом, Гарри испытал легкое чувство вины, смешанное с облегчением. Слава Богу, не ему первому придется сообщить вдове страшные новости.

Внезапно он сообразил, что не знает, как зовут жену Мура. Ирвинг дал ему только адрес, полагая, что все прочее Босху известно, но Гарри никак не удавалось вспомнить имя женщины. Сворачивая с магистрали на шоссе Сьерра, он все еще перебирал в памяти газетные статьи о поисках пропавшего копа, прочитанные на прошлой неделе. В них имя вдовы – тогда еще жены – упоминалось не раз.

Тщетно! Босх припомнил только, что супруга сержанта Мура преподавала английский как будто в одном из колледжей Долины. Детей у них не было – это Босх знал из газет, как и то, что вот уже несколько месяцев Мур с женой не жил, хотя до официального развода дело еще не дошло. И только имя, ее имя по-прежнему ускользало от него.

Свернув на Дель-Прадо, Босх поехал медленнее, на ходу всматриваясь в номера домов, написанные краской на бордюрном камне тротуаров. Наконец он нашел то, что искал, и затормозил напротив дома, когда-то принадлежавшего Калексико Муру.

Здание выглядело довольно заурядным. Такие стандартные коттеджи в стиле ранчо штампуют десятками и сотнями для застройки прилегающих к шоссе районов. Судя по размерам коттеджа, Босх предположил, что в нем не менее четырех спален. При этом он подумал, что для бездетной пары такой выбор дома довольно странен. Возможно, впрочем, в молодости чета Мур планировала обзавестись детишками.

Фонарь над парадной дверью не горел. Никого здесь не ждали и никому не были рады. В неверном свете луны Босх заметил запущенную лужайку перед домом – косилка не проходила по ней уже давно. Особенно высокая трава окружала белый столб с табличкой: «Недвижимость Ритенбоу. Продается». Он стоял рядом с дорожкой.

На подъездном пути Гарри не увидел машины, дверь гаража была заперта, а темные окна казались пустыми и вызвали настороженность. Тусклый электрический свет едва пробивался лишь из окошка возле входной двери.

Босх задумался, как выглядит жена Мура и что она чувствует сейчас – горе, вину или и то и другое? Наконец он бросил окуроч на асфальт и, обойдя печальный столб с надписью «Продается», зашагал к дому.

Глава 4

На половичке перед дверями было выткано «Добро пожаловать!», однако выглядел он довольно потертым, к тому же его давно не вытряхивали. Все это Босх успел рассмотреть, ибо, постучав, стоял с опущенной головой, поскольку знал, что лучше будет смотреть куда угодно, только не в лицо вдове.

Постучав еще раз, он услышал ее голос:

– Уходите! Никаких комментариев не будет.

Босх вымученно улыбнулся, вспоминая, как сам произнес эту фразу несколько часов назад.

– Это вы, миссис Мур? Я не репортер. Я из полиции Лос-Анджелеса.

Дверь чуть-чуть приоткрылась, и Босх увидел очертания головы женщины. Свет горел где-то в глубине коридора, и ее лицо скрывалось в тени. Дверную цепочку она не сняла, и Гарри показал ей футляр с полицейским значком.

– Что вам угодно?

– Миссис Мур?

– Да, это я.

– Меня зовут Гарри Босх. Я... детектив Лос-Анджелесского полицейского управления. Меня послали к вам... не позволите ли войти? Я должен задать вам несколько вопросов и сообщить о... о том, какой оборот неожиданно приняли события.

– Вы опоздали, детектив Босх, здесь уже побывали телевизионщики «Каналов-4, 5 и 9». Когда вы постучали, я решила, что это опять журналисты, например, «Каналов-2 и 7». Кого мне еще ожидать?

– Так позволите мне войти, миссис Мур?

Гарри убрал значок. Женщина закрыла дверь, и он услышал, как она высвобождает цепочку из гнезда. В следующую минуту дверь снова отворилась и вдова махнула ему рукой. Гарри перешагнул порог и очутился в прихожей, выложенной мексиканской глиняной плиткой красновато-оранжевого оттенка. На стене висело большое круглое зеркало, и он увидел в нем отражение миссис Мур; закрыв за ним дверь, она заперла ее на цепочку. В руке миссис держала тканую салфетку.

– Вы надолго? – спросила она.

Гарри покачал головой, и вдова, проведя его в гостиную, уселась в мягкое кресло, обитое светло-коричневой кожей. Кресло стояло возле камина и казалось очень уютным. Босху она указала на кушетку, стоявшую напротив камина с другой стороны – очевидно, это место предназначалось в ее доме специально для гостей. В очаге краснели остывающие угли. На журнальном столике возле кресла Босх увидел упаковку салфеток и стопку бумаг, напоминавших не то сочинения, не то контрольные работы. Отдельные листы были вложены в пластиковые папки.

– Сочинения о прочитанных книгах, – пояснила миссис Мур, перехватив его взгляд. – Я велела своим ученикам прочесть некоторые книги и изложить свои мысли о прочитанном. Они должны были сдать работу перед началом рождественских каникул. Это первое Рождество, которое я проводила в одиночестве, и мне хотелось чем-то себя занять.

Босх кивнул, незаметно оглядывая комнату. Профессия научила его обращать внимание на любые детали и, осматривая чей-нибудь дом, узнавать о его обитателях больше, чем они рассказывали ему. Со временем Босх преуспел в этом и часто полагался на свое умение, считая его одним из самых надежных путей к успеху.

Сейчас он сидел в довольно просторной и пустой комнате. Мебели было мало, и это навело Босха на мысль, что в этой гостиной редко собирались друзья или родственники.

В одном углу стоял высокий книжный шкаф, набитый книгами в твердых переплетах – в основном художественной литературой и большими альбомами по искусству. Ни телевизора, ни игрушек, ни фотографий Босх не заметил. Ничто не указывало и на то, что у миссис Мур когда-либо были дети. Гостиная явно предназначалась для неспешных бесед у огня или для спокойной, сосредоточенной работы.

Но не более того.

В углу напротив очага стояла пятифутовая рождественская елка, украшенная гирляндой белых электрических лампочек, несколькими красными шарами и сделанными из разноцветной бумаги бусами и флажками, которые, судя по их виду, переходили по наследству из поколения в поколение. То, что миссис Мур нарядила елку для себя одной, понравилось Босху. Это означало, что жизнь вовсе не закончилась вместе с замужеством; оставшись одна, миссис Мур не поставила на себе крест и не опустила рук. То, что она нарядила рождественскую елку, свидетельствовало о ее внутренней силе. Разумеется, сейчас миссис Мур замкнулась в своем горе и одиночестве, но в ней осталась и сила. Рождественское дерево яснее всяких слов указывало на то, что эта женщина переживет беду, справится с ней сама. Босх снова пожалел, что не помнит ее имени.

– Прежде чем вы начнете, – проговорила миссис Мур, – могу ли я кое о чем спросить вас?

Настольная лампа на журнальном столике возле ее колен давала мало света, но Босх все же увидел, как пристально смотрят на него ее карие глаза.

– Конечно.

– Вы сделали это специально? То есть пропустили вперед журналистов, чтобы они сделали за вас всю грязную работу? Так называл это мой муж. Извещать родственников... он называл грязной работой и говорил, что детективы всегда стараются избежать этого.

Босх покраснел. На каминной полке стояли старинные часы, и ему показалось, что в наступившей тишине они тикают особенно громко. Наконец он с трудом выдавил:

– Я... Меня, видите ли, послали в самый последний момент... Совсем недавно... К тому же я не сразу нашел ваш дом. Очень сожалею, но... – Гарри замолчал. Она все поняла. – Простите, наверное, вы правы. Я нарочно тянул время.

– Ничего страшного, мистер Босх. Не смущайтесь. Должно быть, это действительно очень нелегко.

Босх пожалел, что у него нет фетровой шляпы, которую носили детективы во всех фильмах. Будь она у него, он держал бы ее перед собой и перебирал пальцами поля, чтобы делать хоть что-то, лишь бы не смотреть на нее. Теперь же ему оставалось только разглядывать миссис Мур в упор. Босх понял, что когда-то она была очень хороша собой – ее лицо еще хранило следы былой красоты. На вид он дал бы миссис Мур лет тридцать пять. У нее были каштановые волосы с осветленными прядями, четко очерченный решительный подбородок и мускулистая шея спортсменки. Босх подметил также, что миссис Мур не прятала под косметикой легкую сетку морщин под глазами. Голубые джинсы и мешковатый бумажный белый свитер, вероятно, принадлежавший мужу, служили домашней одеждой. Разглядывая свитер, Босх задумался о том, какое место Калексико Мур занимает в ее душе.

Слова миссис Мур насчет «грязной работы» понравились Гарри; он счел упрек заслуженным. Они познакомились пять минут назад, однако Босху казалось, что миссис Мур кого-то напоминает ему, но он не мог понять, кого именно. Возможно, какую-нибудь женщину из его прошлого, сочетававшую в себе силу с нежностью и мягкостью. Несмотря на смущение, Босх то и дело посматривал на миссис Мур. Ее сияющие карие глаза притягивали его как магнит.

– Я детектив Гарри Босх. – Он надеялся, что вдова тоже представится.

– Да, я слышала о вас. Читала статьи в газетах, к тому же муж тоже говорил о вас. Кажется, это было два года назад, когда вас перевели в голливудский участок. Он рассказывал, что одна из кинокомпаний заплатила вам много денег за то, что вы позволили ей использовать ваше имя в телефильме о деле, которое расследовали. Вы, кажется, купили один из домов на опорах, там, в холмах?

Босх неохотно кивнул и поспешил переменить тему:

– Не знаю, что наговорили вам репортеры, миссис Мур; меня послали сообщить вам, что мы, похоже, нашли вашего мужа, и он – мертв. Мне очень жаль, что приходится сообщать вам такое. Просто я...

– Я знала это, точно так же как и вы, и как каждый коп в городе, – перебила она. – Чем это кончится, всем было ясно давным-давно. Я не стала говорить с журналистами и велела им убираться. Зачем мне с ними разговаривать? Когда в рождественскую ночь к тебе заваливается такая орава, это значит, что у них плохие новости.

Босх кивнул и посмотрел на свои руки, сжимавшие воображаемую шляпу.

– Вы все расскажете мне? – спросила она. – Это было самоубийство? Он застрелился?

Босх снова кивнул:

– Да, это очень похоже на самоубийство, но ничего определенного сказать нельзя, пока...

– Пока не будет результатов вскрытия, – закончила миссис Мур. – Знаю, ведь я жена полицейского. Бывшая жена, – уточнила она. – Мне известно, что вы можете сказать, а что – нет. Вы даже не имеете права быть со мной откровенным – вечно у вас какие-то секреты...

Босх увидел, как потемнели ее глаза.

– Не совсем так, миссис Мур. Я просто стараюсь смягчить неиз...

– Если хотите что-то сказать мне, детектив Босх, скажите. Не нужно тянуть кота за хвост.

– Хорошо, миссис Мур. – Босх решительно тряхнул головой. – Ваш муж действительно застрелился. Если вас интересуют детали, расскажу подробнее. Ваш муж – если это был ваш муж – выстрелил себе в лицо из дробовика и разнес череп. Узнать его невозможно, поэтому мы хотим убедиться, что, во-первых, это тот, кого мы ищем, и, во-вторых, сам ли он выстрелил в себя. Только после этого мы получим основания утверждать что-то наверняка. Никто не пытается играть в тайны, просто у нас пока нет ответов на все вопросы.

Миссис Мур откинулась на спинку кресла, отдаляя лицо от света, но даже в полутьме Босх заметил, как оно изменилось. Гнев в глазах погас, сурово сжатые губы приоткрылись, а напряженные плечи слегка опустились. Ей было стыдно.

– Простите, – пробормотала она. – Сама не знаю, почему я это сказала. Мне не следовало бы...

– Ничего страшного, миссис Мур, поделом мне... И вы тоже меня извините.

Она посмотрела на него уже без гнева, и Босх почувствовал, что сумел пробиться к ней сквозь почти непроницаемую оболочку. Он видел: эта одинокая женщина отчаянно нуждается в ком-нибудь, ибо ее дом слишком мрачен и велик, чтобы оставаться в нем одной в рождественскую ночь, и ни празднично украшенная елка, ни сочинения не могли этого изменить. Но Босха побудило остаться еще кое-что. Его инстинктивно влекло к этой женщине, вопреки распространенному мнению о том, что сходятся только противоположности. С ним дело совсем иначе – в женщине, которая ему нравилась, Босх довольно часто обнаруживал черты, свойственные и ему самому. Почему – этого он не знал, да и не старался узнать, принимая все как есть. И вот теперь перед ним сидела незнакомая женщина; он даже не знал ее имени, но таинственная сила уже притягивала его к ней. Может, он увидел в ней свое отражение – отражение своих желаний и своего одиночества, – но от этого миссис Мур не стала для Босха менее привлекательной. Ему хотелось узнать, отчего залегли темные круги

под этими карими глазами и откуда под ними тонкая сеть морщин. Как и Босх, миссис Мур старательно прятала свои шрамы от посторонних глаз, и каждый из них, похороненный глубоко в душе и скрытый за внешним спокойствием, представлял собой загадку. Отгадать ее будет непросто, а излечить – и того труднее. Она такая же, как и он, Гарри чувствовал это. Нет, не чувствовал – знал наверняка.

– Простите, но я не знаю вашего имени. Заместитель начальника полиции дал мне только адрес.

Миссис Мур улыбнулась.

– Сильвия.

Босх кивнул.

– Гм-м, Сильвия, это, случайно, не кофе так вкусно пахнет?

– Да. Хотите чашечку?

– С удовольствием, если это не очень вас затруднит.

– Ничуть.

Она поднялась и прошла перед ним, направляясь в кухню. Босха охватили сомнения.

– Послушайте, может, мне все-таки лучше уйти? У вас есть о чем подумать, а я вторгся к вам и попросил кофе. Не отложить ли до следующего раза?

– Нет, что вы, ваше общество очень полезно – отвлекает от всяких...

Босх не ответил. В камине громко щелкнул сучок. Гарри посмотрел ей вслед и, удивившись, что из кухни его не видно, еще раз огляделся по сторонам. Потом, поднявшись с кушетки, направился к освещенным дверям кухни.

– Черный, пожалуйста, – сказал он. – И без сахара.

– Конечно. Вы ведь тоже коп.

– Вы, похоже, не очень их жалуете?

– Пожалуй, недолюбливаю, – ответила Сильвия, стоя к нему спиной. Босх видел, как она разливает кофе по чашкам из стеклянного кофейника. Он прислонился к дверному косяку возле холодильника. Не зная, что еще сказать, Гарри колебался, стоит ли приводить в исполнение план, который обдумывал по пути.

– У вас неплохой дом, – проговорил он наконец.

– Это не дом, а жилище, – уточнила Сильвия. – Мы продаем его. То есть, наверное, теперь следует говорить: «Я продаю его».

Она отвечала, не поворачиваясь к нему, но Босх рискнул продолжить:

– Вы не должны винить себя за то, что он сделал. – Гарри знал, что это слабое утешение.

– Легко сказать, труднее исполнить.

– Да.

Последовало продолжительное молчание. Босх первым нарушил его:

– Он оставил записку.

Сильвия замерла, но так и не повернулась.

– «Теперь я знаю, кто я такой» – вот что он написал.

Она промолчала. Одна из чашек стояла на столике наполовину пустая.

– Вам это о чем-нибудь говорит?

Наконец-то Сильвия повернулась к нему. В ярком свете ламп, горевших под потолком кухни, он увидел на ее щеках следы слез. Босх почувствовал себя посторонним и никчемным, неспособным сделать ничего такого, что облегчило бы ее боль.

– Не знаю. Мой муж... он был заиклен на прошлом.

– Что это значит?

– Просто он всегда... всегда возвращался назад. Прошрое нравилось ему гораздо больше, чем настоящее, будущее и все связанные с ним надежды. Он любил возвращаться

в то время, когда был ребенком. Ему хотелось... в общем, он никак не мог принять то, что есть, прошлое не давало ему покоя.

Босх увидел, как две слезинки выскользнули из уголков ее глаз и разбежались по сеткам морщин. Сильвия сердито отвернулась к столу и закончила разливать кофе.

– Что с ним случилось? – спросил Босх.

– Что случается со всеми нами? Не знаю. Он очень хотел вернуться. В прошлом было что-то такое, в чем он отчаянно нуждался и что никогда его не отпускало.

«Каждому дорого его прошлое, – подумал Босх. – Порой оно привязывает нас к себе гораздо сильнее, чем настоящее, и кажется куда привлекательнее будущего».

Сильвия, вытерев глаза салфеткой, повернулась и подала ему кружку. Босх отпил крошечный глоток.

– Однажды он сказал мне, что жил в замке, – вдруг промолвила Сильвия. – Во всяком случае, он так это назвал.

– В Калексико? – уточнил Босх.

– Да, в Калексико, но это продолжалось совсем недолго. Не знаю, что у них там случилось; Кэл почти никогда не рассказывал мне об этом периоде своей жизни. Замок принадлежал его отцу. В какой-то момент его присутствие... стало нежелательным, и Кэлу с матерью пришлось уехать из Калексико и перебраться через границу. Кэл любил говорить, что он родом из Калексико, но на самом деле он вырос в Мехикали. Были ли вы там когда-нибудь?..

– Пару раз проезжал, но никогда не останавливался надолго.

– Вот-вот, это самое главное – не останавливаться. Но он там вырос...

Сильвия замолчала, глядя в свою чашку. Молчал и Босх, внимательно рассматривая привлекательную женщину, уставшую от жизни, которую на протяжении стольких лет ей приходилось вести. Она еще не осознавала, что все случившееся означает не только конец, но и начало.

– Ему так и не удалось переступить через свое прошлое, оставить его позади, – снова заговорила Сильвия. – Его бросили, оттолкнули, но он все равно возвращался в Калексико. Один... Я ни разу не ездила с ним, но знаю, что он много раз побывал на родине. Возможно, Кэл следил за отцом и воображал, как все обернулось бы, если бы не случилось то, что случилось. Не знаю... – Она пожала плечами. – Кэл хранил фотографии этого места, сделанные еще в то время, когда он там жил. Иногда по ночам, когда Кэл думал, что я сплю, он доставал их и рассматривал.

– Его отец жив?

Сильвия слегка взмахнула чашкой.

– Понятия не имею. Кэл редко говорил о своем отце, но однажды упомянул, что он умер. Только не знаю, как это понимать: в метафорическом смысле, или старик действительно скончался. Так или иначе, для Кэла он все равно что умер, и это самое главное. Все эти годы он чувствовал обиду и унижение. Этот вопрос стал для него самым основным в жизни и самым сокровенным. Мне ни разу не удалось вызвать его на откровенность; Кэл если и отвечал, то просто-напросто лгал и утверждал, что отец ему безразличен и теперь ему на все наплевать. Через несколько лет я прекратила свои попытки и перестала разговаривать с Кэлом на эти темы. Я сдалась, а он никогда не возвращался к этому вопросу по своей инициативе. Кэл просто ездил туда – порой на один день, порой на все выходные – и никогда ничего не рассказывал после возвращения.

– А где эти фотографии?

– Кэл всегда брал их с собой, если уезжал. Он ни разу не оставлял их дома.

Босх отпил несколько глотков кофе, чтобы выиграть время и немного подумать.

– А как вам кажется, – неуверенно начал он, – не имеет ли это какого-то отношения к...

– Ничего не могу сказать. Наверняка знаю одно: все это очень повлияло на наши отношения. Поездки в прошлое превратились для Кэла в навязчивую идею и в конце концов стали важнее, чем я. И нашей семейной жизни пришел конец.

Босх кивнул и поспешно спрятал глаза. Что еще он мог сделать? Профессия подчас вынуждала его забираться слишком глубоко в чужую душу, когда любое движение или слово могли причинить другому человеку боль. Оставалось только глупо кивать. Даже задавая вопросы, Босх чувствовал себя виноватым, потому что не имел права знать ответ на них. В данном случае его роль и вовсе сводилась к обязанностям мальчика-посыльного. Ведь Босха никто не просил выяснять, почему покойный засунул в рот ствол ружья и нажал на спусковой крючок.

И все же тайна Калексико Мура и боль, которую он видел на лице вдовы, не отпускали Босха. Сильвия притягивала его чем-то еще – кроме физической соблазнительности. Да, она была красива, но обида, запечатленная на ее лице, и глаза, на ресницах которых дрожали слезы, а в глубине таились мужество и сила, делали Сильвию еще привлекательнее. Босху казалось, что она ничем не заслужила несчастий, обрушившихся на нее. Что случилось с Калексико Муром? Почему он кончил так – на полу в ванной комнате дешевого мотеля?

Босх посмотрел на Сильвию.

– Однажды в разговоре со мной Мур обмолвился еще об одной проблеме. Я, видите ли, когда-то имел дело с ОВР. Это отдел внутренних...

– Я знаю, что такое ОВР.

– Кэл просил у меня что-то вроде совета. Он интересовался, известно ли мне, что кто-то наводит о нем справки, и упоминал имя Частина. Кэл не говорил об этом с вами? В чем там дело?

– Нет, не говорил.

Ее поведение неожиданно изменилось, а взгляд стал пронзительным и острым. Босх понял, что в душе Сильвии снова вскипают горечь и гнев. Очевидно, он задел больной нерв.

– Но вы знали об этом, верно?

– Частин как-то раз приходил сюда. Он полагал, будто я соглашусь помочь ему в том, что он задумал. В частности, он говорил, что я якобы жаловалась на мужа, но это неправда. Потом Частин пожелал осмотреть дом, но я велела ему уйти... Мне не хочется вспоминать об этом.

– Когда приходил Частин?

– Не помню. Пару месяцев назад.

– Вы сказали Кэлу?

Сильвия кивнула.

«А после этого Калексико Мур пришел в бар „Каталина“, чтобы попросить у меня совета», – сообразил Гарри.

– Вы уверены, что не знаете, чего он добивался?

– К этому времени мы уже жили порознь и почти не разговаривали друг с другом. Между нами все было кончено. Я только сообщила Кэлу, что приходил какой-то коп и врал, будто я жаловалась на него. Кэл ответил, что все они только этим и занимаются – лгут. Он велел мне не беспокоиться и выбросить все из головы.

Босх допил кофе, но держал чашку в руках. Сильвия знала, что ее муж где-то оступился и предал их будущее ради своего прошлого, но осталась ему верна и сказала о визите Частина. Босх не винил ее за это, напротив, проникся к Сильвии еще большей симпатией.

– Что вы здесь, собственно, делаете? – вдруг осведомилась Сильвия.

– Что? – удивился Босх.

– Если вы расследуете смерть моего мужа, вам следует знать, зачем приходил детектив из ОВР. Либо вы тоже мне лжете, либо действительно не знаете. Если верно последнее, то что вы здесь делаете и зачем сюда пришли?

Босх осторожно опустил чашку на столик.

– Меня послал заместитель начальника полиции – сообщить вам, что случилось с...

– Грязная работа!

– Совершенно верно, но мне всегда достается что-то в этом роде. Но я уже упомянул, что знал вашего мужа, и...

– Едва ли эта загадка вам по зубам, детектив Босх. – Гарри кивнул – этот жест у него был давно отработан и вошел в привычку. – Я преподаю английский язык и литературу в Грант-хай, в Вэлли, – сказала Сильвия. – Своим ученикам я даю читать книги о Лос-Анджелесе, чтобы они лучше узнали историю и поняли характер города, в котором живут. Среди них мало коренных лосанджелесцев, и я... В общем, одна из книг, рекомендованных им мной для чтения, называется «Долгое прощание». Она о полицейском детективе...

– Я читал эту книгу.

– Там есть одна строчка, я знаю ее наизусть. «Нет ловушки опаснее той, которую сам себе расставляешь». Прочитав эти слова, я сразу подумала о моем муже... и о себе.

Сильвия снова беззвучно заплакала, не отводя взгляда от Босха. На этот раз он не рискнул кивнуть, видя в ее глазах одиночество и беспомощность. Гарри шагнул к ней и положил руку на плечо. В первое мгновение оба испытали неловкость, но потом Сильвия вдруг прильнула к нему всем телом и спрятала голову у него на груди. Дав ей выплакаться, Босх слегка отстранился.

* * *

Через час Босх вернулся домой. Взяв полупустую бутылку и недопитый стакан, оставшиеся на столе после ужина, он вышел на заднее крыльцо и сел на ступеньки, попивая вино и размышляя обо всем, что случилось.

Рассвет застал его на дворе. Зарево пожара на другой стороне дороги давно погасло, но что-то пылало ярким пламенем в самом Гарри.

Судя по всему, Калексико Мур нашел ответ на вопрос, который люди обычно носят в себе. Все они – и он, Гарри Босх, тоже – стремятся ответить на него. «Теперь я знаю, кто я такой».

Мур узнал ответ, что его и убило. Эта мысль поразила Босха в самое сердце, словно удар кулака.

Глава 5

В четверг – на следующий день после Рождества – утро было таким, о каком только мечтают фотографы, зарабатывающие на жизнь съемкой для открыток и буклетов. Над городом не осталось и следа обычного смога; пожар в холмах догорел и погас; дым растаял, унесенный налетевшим океанским бризом, и долина Лос-Анджелеса купалась в лучах солнца и смотрела в голубое небо, по которому величественно плыли редкие кучевые облака.

Чтобы попасть на работу, Босх выбрал самый длинный путь и поехал по Вудро-Вильсон-драйв до самого перекрестка с Малхолланд, а оттуда свернул на серпантин, ведущий через Николс-каньон. Ему всегда нравилось смотреть на холмы, поросшие голубоватой глицинией и лиловой хрустальной травой, над которыми возвышались дряхлеющие дома по миллиону долларов каждый, напоминавшие о былом величии города и все еще подпитывавшие память о его минувшей славе.

Сидя за рулем, Босх размышлял о прошедшей ночи, как он утешал Сильвию Мур и что при этом чувствовал. Босху казалось, что он выглядел точь-в-точь как коп с картины Рокуэлла Кента; если между ними и была разница, то очень небольшая.

Спустившись с холмов, Босх поехал по Джenezи до бульвара Сансет, а там срезал угол, повернув напрямик к Уилкокс-авеню. Оставив машину позади здания полицейского участка, он прошел вдоль отгороженного решеткой загончика для задержанных в состоянии алкогольного опьянения и толкнул двери детективного бюро.

Мрачное настроение, царившее в рабочей комнате, показалось ему таким же плотным и осязаемым, как сигаретный дым в кинотеатре во время порносеанса. Детективы сидели за столами, низко опустив головы; одни негромко говорили по телефонам, другие зарылись в отчетные документы, беспрерывно обрушивавшиеся на их больные головы во все возрастающих количествах.

Гарри разместился за столом, отведенным для детективов его профиля, и бросил взгляд на Джерри Эдгара, сидевшего напротив. Время от времени Босх работал с ним в паре – постоянных партнеров в детективном бюро, задыхавшемся от нехватки рук, больше не было, а полицейское управление запретило продвижения по службе и наем новых сотрудников из-за резкого сокращения бюджетных ассигнований. В частности, в секции, расследовавшей грабежи и убийства, осталось всего пять детективов, и начальник бюро, лейтенант Харви Паундс по прозвищу Девяносто Восемь Фунтов, едва справляясь с текучкой, заставлял сотрудников работать поодиночке или объединял в пары только для расследования особо важных дел, выполнения опасных заданий или производства арестов. Босх не возражал против подобной практики, поскольку ему нравилось работать одному, но другие детективы часто ворчали.

– В чем дело? – спросил Босх у Эдгара. – Мур?

Джерри кивнул. За большим столом, составленным из нескольких маленьких, они были вдвоем: Шелби Данн и Карен Мошито появлялись обычно после девяти, а Люциус Портер добирался до участка только в начале одиннадцатого, если успевал к этому времени протрезветь.

– Девяносто Восемь Фунтов только что выползал из своей стеклянной конуры, – ответил Джерри. – Сказал, что они получили подтверждение по отпечаткам. Это действительно Мур. Сам вышиб из себя все дерьмо.

Они несколько минут молчали. Гарри автоматически перебирал сложенные на столе бумаги, но мысли его то и дело возвращались к Муру. Он ясно представлял себе, как Ирвинг, Шихан или даже Частин звонят Сильвии домой, чтобы сообщить о результатах дактилоскопической экспертизы. Тоненькая ниточка, связывающая его с этим делом, таяла на глазах.

Даже не оборачиваясь, Босх почувствовал, что за спиной у него кто-то стоит. Обернувшись, он увидел лейтенанта Паундса, который глядел на него сверху вниз.

– Пойдем-ка со мной, Гарри.

Лейтенант приглашал его в свою стеклянную будку, и Босх бросил быстрый взгляд на Эдгара. Тот возвел очи горе, давая понять, что ничего не знает о том, зачем детектив Босх вдруг понадобился начальнику. Гарри поднялся и с тяжелым сердцем последовал за лейтенантом в его кабинет, смежный с рабочей комнатой.

Кабинет лейтенанта представлял собой небольшое, застекленное с трех сторон помещение. Прозрачные окна позволяли Паундсу наблюдать за сотрудниками, но ограничивали реальный контакт с ними, поэтому лейтенант не слышал, не обонял и не общался с подчиненными, если не хотел. Жалюзи на окнах, которые большую часть времени были опущены и не позволяли детективам видеть, чем занимается начальник, сегодня оказались подняты.

– Присаживайся, Гарри. Надеюсь, тебе не надо напоминать, что здесь курить воспрещается?.. Как Рождество?

Босх не ответил, бросив на лейтенанта быстрый взгляд исподлобья. Ему было не по себе от того, что этот малознакомый человек называет его по имени и спрашивает, как он провел праздник. Наконец Босх нерешительно опустил на стул.

– В чем, собственно, дело? – спросил он.

– Только не раздражайся, Гарри. Вообще-то у меня гораздо больше причин для недовольства. Я недавно узнал, что значительную часть рождественской ночи ты провел в этом грязном мотеле – «Убежище», кажется, – где не захотел бы встречать Рождество ни один нормальный человек и где по чистой случайности работал отдел по расследованию грабежей и убийств.

– Я дежурил, – возразил Босх. – Меня должны были вызвать на место происшествия, и я отправился выяснить, что, собственно, произошло. В конце концов, я все равно понадобился Ирвингу, так что не зря...

– Все это очень хорошо, Гарри, но на этом твое участие должно закончиться. Мне сказали, чтобы ты не забивал себе голову и держался подальше от дела Мура.

– И что все это означает?

– Только то, что ты слышал.

– Но, лейтенант!..

– Тише, тише! – Паундс поднял ладони, словно успокаивая Босха, а потом свирепо потер переносицу, что свидетельствовало о сильнейшем приступе мигрени. И верно: выдвинув средний ящик стола, лейтенант достал оттуда флакончик аспирина.

Вытряхнув на ладонь пару таблеток, он проглотил их, даже не запив водой.

– Я сказал, и хватит об этом, – бросил лейтенант. – Я не обязан, да и не собираюсь, давать тебе полный... – Паундс поперхнулся и, выскочив из-за стола, ринулся мимо Босха к питьевому фонтанчику возле дверей бюро. Гарри даже не повернул головы. Через минуту Паундс вернулся. – Прошу прощения, – сказал он. – Что я говорил? Ах да... В общем, я не собираюсь спорить с тобой каждый раз, когда ты появляешься в моем кабинете. Если у тебя есть возражения, обратись к руководству полицейского управления. Там тебе все объяснят. – Босх заметил белые крошки аспирина, прилипшие к уголкам рта лейтенанта. Паундс слегка откашлялся. – Мое дело – довести до твоего сведения...

– Почему бы Ирвингу не довести это до моего сведения самому?

– Я ничего не говорил об... Послушай, Босх, забудь об этом деле. Просто забудь, ладно? Я тебя предупредил, и закончим на этом. Если у тебя есть какие-то намерения или идеи относительно дела Мура – оставь их при себе. И не волнуйся – они там справятся без тебя.

– Не сомневаюсь.

Получив распоряжение, Босх поднялся. Больше всего на свете ему хотелось выкинуть лейтенанта в окно, однако, поразмыслив, он решил, что на этот раз обойдется сигаретой, выкуренной возле загона для пьянчуг.

– Сядь, – велел Паундс. – Я тебя не для этого позвал.

Босх снова опустился на стул и молча ждал, пока лейтенант соберется с мыслями. Паундс вновь выдвинул ящик стола, достал деревянную линейку и начал рассеянно вертеть ее в руках. Наконец он заговорил:

– Тебе известно, сколько убийств зарегистрировано в участке за прошедший год?

Этот неожиданный вопрос заставил Босха задуматься, что на этот раз замышляет лейтенант. Он помнил, что ему самому пришлось расследовать одиннадцать случаев, да еще некоторое время он оставался не у дел после огнестрельного ранения. Тогда Босх провел шесть недель в Мексике, но это было еще летом. Впрочем, по опыту прошлых лет он мог предположить, что количество зарегистрированных убийств к концу года составило около семи десятков.

– Понятия не имею. – Босх пожал плечами.

– Так я тебе скажу, – заявил Паундс. – Сейчас на нас висят шестьдесят шесть случаев насильственной смерти. И впереди еще пять дней, за которые может произойти все, что угодно. Не исключено, что убийств станет больше. Я, во всяком случае, уверен, что как минимум один случай к названному количеству прибавится – канун Нового года никогда не проходил у нас спокойно. Мы должны...

– Ну так что же? – нетерпеливо перебил Босх. – Помнится, в прошлом году у нас было пятьдесят девять смертельных случаев. Количество убийств растет по всей стране, что же тут нового?

– Новое то, что сокращается количество раскрытых убийств. Из шестидесяти шести случаев мы раскрутили только тридцать два. Разумеется, я помню, что больше трети на твоём счету, Гарри. Одиннадцать дел, если мне не изменяет память. Семь завершились арестом; по двум делам получены ордера, а из тех, что формально еще не закрыты, одно ожидает решения прокурора, а второе – дело Джеймса Каппалани – находится в активной разработке. Я правильно излагаю?

Босх кивнул. Ему не нравилось, как все повернулось, но он не понимал почему.

– Все дело – в годовом отчетном докладе, – лицемерно вздохнул Паундс. – Если рассматривать наши результаты в целом, то ни о каком успехе говорить не приходится.

Паундс шлепнул себя линейкой по раскрытой ладони и покачал головой. Босх понемногу начал кое о чем догадываться, однако одной детали ему все еще не хватало. Он пока не знал точно, что на уме у лейтенанта.

– Подумай об этом, – продолжал Паундс. – Подумай о жертвах и об их семьях, на чью долю не хватило правосудия! А потом прикинь, каким будет общественное мнение о нас – о нашем участке – если «Лос-Анджелес таймс» раструбит на своих заглавных страницах, что больше половины убийц в Голливуде уходят от наказания!

– По-моему, о том, что отношение к нам изменится в худшую сторону, незачем беспокоиться, – заметил Босх. – Уже просто некуда.

Озабоченно почесав переносицу, Паундс положил линейку на стол и негромко сказал:

– Ты выбрал не самое подходящее время и место, чтобы выставлять напоказ свое циничное отношение к работе, Босх. Не лезь в бутылку и не притворяйся, будто тебе наплевать. В конце концов, в любой момент, – когда мне захочется сделать кадровые перестановки, – я могу снять тебя с детективной работы и отправить регулировать движение или заниматься малолетними преступниками. Ты понял? Тогда жалуйся в профсоюз сколько влезет – я отвечу за свое решение.

– И каков, по-вашему, тогда будет процент раскрываемости? Что напишет «Лос-Анджелес таймс»? Что в Голливуде уходит от возмездия две трети от общего числа убийц?

Паундс раздраженно дернул на себя ящик стола, смел в него линейку и снова задвинул. Как показалось Босху, на губах лейтенанта промелькнула хитрая улыбка, и он заподозрил, что длинный язык завел его в расставленную ловушку. Паундс между тем выдвинул другой ящик и достал из него толстую голубую папку, в каких обычно хранились материалы о расследовании убийств. В этой, однако, было лишь несколько страниц.

– Очко в твою пользу, – хмыкнул Паундс. – А теперь, с твоего позволения, перейдем к главной цели нашей встречи. В данном случае, Гарри, мы говорим прежде всего о статистике. Если мы расследуем еще только одно убийство, раскрываемость составит ровно пятьдесят процентов. Тогда в годовом отчете мы запишем, что в Голливуде задерживают половину убийц. Если нам удастся раскрыть два дела, мы укажем в отчете, что в Голливуде раскрывается больше половины убийств. Ощущаешь разницу? – Босх ничего не ответил, и лейтенант кивнул сам себе. Аккуратно пристроив голубую папку на столе, он поднял глаза на Босха. – Люциус Портер не вернется, – сказал лейтенант. – Я разговаривал с ним сегодня утром. Он собирается подать в отставку в связи с непроходящим стрессовым состоянием. По словам Портера, у него есть врач, готовый подтвердить это.

Лейтенант запустил руку в ящик стола и достал еще одну голубую папку, за ней – еще одну. Теперь до Босха дошло.

– Надеюсь, у него хороший врач, – бормотал Паундс, доставая из ящика стола пятую и шестую папки. – Потому что, насколько я знаю, управление не склонно считать цирроз печени профессиональным заболеванием, вызываемым постоянными стрессами на работе. Портер – горький пьяница, вот в чем дело. Будет крайне несправедливо, если ему удастся досрочно выйти в отставку, ссылаясь на нервное заболевание, якобы развившееся в связи с его профессиональными обязанностями – и все потому, что он не в силах совладать со своей тягой к выпивке. Мы назначим административное расследование и разжалуем Портера, хотя бы его адвокатом была сама мать Тереза. Он будет наказан. – Паундс постучал согнутым пальцем по стопке голубых папок. – Я просмотрел эти дела, Гарри, – на Портере висит восемь дел – и нахожу, что это просто потрясающе! На всякий случай я выписал их хронологию и намерен все очень тщательно проверить, но уже сейчас нет никаких сомнений, что там полным-полно лажи. Наверняка Портер дрых где-нибудь в баре за стойкой, а не опрашивал свидетелей и не бегал по улицам в поисках улик, как он тут заявляет. – Паундс печально покачал головой. – Ты сам понимаешь, Гарри, что теперь, когда наши детективы перестали работать парами, контролировать их почти невозможно. За Портером никто не присматривал, и вот теперь я остался с восемью нераскрытыми делами – каждое из них фактически так и осталось просто зарегистрированным. Вся работа, которая по ним якобы велась, – чушь собачья! А ведь насколько я могу судить, каждое из этих дел можно было раскрыть довольно быстро.

«А кто придумал, чтобы детективы работали по одному?» – хотел спросить Босх, но воздержался. Вместо этого он поинтересовался:

– Вы никогда не слышали одну историю, случившуюся с Портером лет десять назад, когда он работал простым патрульным? Портер и его напарник однажды остановились и сделали замечание какому-то мешку с дерьмом, сидевшему на тротуаре и хлеставшему виски из горла на виду у общественности. Портер в тот день был за рулем. Штраф за мелкое правонарушение – обычное дело, и он ждал в машине, пока его напарник выписывал квитанцию. И вдруг этот мешок с дерьмом встал и ударил второго копа бутылкой по голове. Прямо между глаз, пока у него руки были заняты квитанционной книжкой. Он убил его наповал на глазах у Портера...

Паундс огорченно поморщился.

– Я знаю эту историю, Босх. Ее рассказывают всем новобранцам, которые проходят через академию, как наглядный пример того, чего не следует делать, чтобы не облажаться. Но эта история уже обросла вот такой бородищей, и если Портер хочет уйти по статье о нервном расстройстве, ему следовало бы поднять вопрос об этом тогда, а не сейчас.

– Об этом я и толкую. Он не увольнялся, пока мог. Портер пытался справиться с этим – возможно, все десять лет пытался, – а под конец просто захлебнулся в потоке дерьма, происходящего в мире. Что вы хотите от него? Чтобы он поступил как Кэл Мур? Или вам поставят в послужном списке лишнюю галочку, если вы сэкономите для города одну полицейскую пенсию?

– Очень остроумно, Босх, но по большому счету что будет с Портером – не твоего ума дело. Я не стал бы упоминать об этом, если бы не надеялся, что тогда ты лучше поймешь то, что я сейчас тебе скажу.

Он снова огладил руками стопку папок, проверяя, ровно ли они лежат, а потом придвинул их к Босху.

– Принимай. Теперь эти дела – твои. Дело Каппалани можешь отложить на несколько дней. Насколько я понимаю, в ближайшее время ты не планируешь никакого решительного прорыва. До первого января не занимайся им, а пока просмотри все это.

Мне хотелось бы, чтобы ты внимательно и как можно скорее изучил восемь дел, числящихся за Портером. Найди среди них такое, с которым справишься быстро. После этого брось все и работай только над ним. Срок тебе – до Нового года. Трудись даже в выходные – насчет оплаты сверхурочных я договорюсь! Разрешаю привлечь к расследованию любого из твоей секции, так что никаких проблем у тебя не возникнет. Но только ради Бога, Гарри, посади кого-нибудь в каталажку. Мне нужен арест. Я... нам необходимо закрыть еще одно дело, чтобы достичь уровня раскрываемости в пятьдесят процентов, и сделать это следует до полуночи тридцать первого декабря. Понял?

Босх молча посмотрел на лейтенанта поверх стопки голубых папок. Он только теперь вполне осознал, что за человек его начальник. Харви Паундс уже не коп, а законченный бюрократ. Канцелярская крыса. Никто... Кровь, преступления, страдания людей для него лишь десятые и сотые доли процента в статистической отчетности, сообщавшей в конце года лейтенанту, насколько хорошо он справился со своей работой. Оценивали его не люди и не голос совести – обезличка уже отравила многих и многих в полицейском департаменте, отделив полицию от города и его жителей. Неудивительно, что Портер захотел вырваться отсюда. Неудивительно, что Кэл Мур своими руками открыл кингстоны и пошел ко дну.

Босх встал и, взяв под мышку папки, посмотрел на лейтенанта. Его взгляд яснее ясного говорил: теперь я знаю, кто ты такой. Паундс не выдержал и отвернулся.

У дверей Босх задержался.

– Кстати, лейтенант, если разжаловать Портера, то он все равно вернется в нашу секцию. Чего вы этим добьетесь? Сколько дел повиснет на нем в следующем году? – Брови Паундса медленно поползли вверх. Он обдумывал сказанное. – Если отпустить его по-хорошему, – продолжал Босх, – вам придется подыскивать ему замену. В других секциях немало толковых детективов. Особенно хорош Михан, который занимается малолетками. Переведите его к нам, и – готов поклясться – ваша статистика поползет вверх. Но если вы решите идти до конца, лейтенант, если захотите понизить или как-то еще наказать Портера, то ровно через год наш с вами разговор повторится.

Паундс помолчал, выжидая, не прибавит ли Босх что-нибудь еще. Убедившись, что детектив сказал все, лейтенант заговорил:

– Что с тобой, Босх? В том, что касается расследований, Портер тебе и в подметки не годится, а ты пытаешься спасти его задницу. В чем дело, Гарри? Зачем?

– Ни за чем, лейтенант. В этом все дело. Надеюсь, вы меня понимаете?

Он перенес папки к своему месту за столом и сбросил ношу на пол возле стула. Эдгар, а также Мошито и Данн, появившиеся на рабочих местах совсем недавно, с интересом посмотрели на него.

– Лучше не спрашивайте, – буркнул Босх.

Сев на стул, он взглянул на груды папок у своих ног, не испытывая ни малейшего желания что-либо с этим делать. Больше всего Босху хотелось курить, но в рабочей комнате курение строго воспрещалось – по крайней мере пока Паундс находился поблизости. Босх вздохнул, нашел в своем «Ролодексе» нужный ему номер и набрал его. Трубку взяли только на седьмом гудке.

– Что еще? – раздался сердитый голос.

– Лу?

– Кто это?

– Босх.

– Ах, это ты, Гарри. Извини, я не знал, кто звонит. Что ты хотел? Я, знаешь ли, ухожу в отставку по статье о стрессе, и мне...

– Да, я слышал об этом. Собственно, из-за этого я и звоню. Девяносто Восемь Фунтов ввалил на меня все твои дела, и мне, гм-м... мне хотелось бы раскрыть одно из них как можно скорее – скажем, к концу недели. Что посоветуешь? Не подскажешь ли мне, за что лучше взяться? Не хотелось бы начинать на пустом месте...

На линии воцарилось молчание.

– Гарри, ч-черт... – наконец выговорил Портер, и Босху впервые пришло в голову, что коп, возможно, уже пьян. – Черт побери... Я не думал, что наш лейтенант заставит тебя разгребать это дерьмо. Мне очень жаль, Гарри, поверь... Я не слишком хорошо поступил, но ты сам понимаешь...

– Эй, Лу! – поспешно перебил его Босх. – Ничего страшного здесь нет, честное слово. Просто я закончил свои дела и попал лейтенанту под горячую руку. Я только не знаю, с чего лучше начать. Если укажешь мне на что-нибудь конкретное – отлично. Нет – возьму первое, что попадется. Признаться, я еще не смотрел.

Ожидая ответа, Босх вдруг заметил, что три детектива прислушиваются к его разговору и даже не стараются это скрыть.

– Пошло оно все к такой-то матери! – не то всхлипнул, не то поперхнулся Портер. – Пошло оно все!.. Честно, Гарри, я почти не занимался этими делами, понимаешь? И вообще мне в последнее время стало не до того... Слыхал про Мура? Я вчера вечером слушал эти дерьмовые новости и узнал...

– Да, это действительно скверные новости, – снова перебил его Босх. – Лу, не переживай ты так, о'кей? Я просмотрю твои материалы; у меня здесь все отчетные книги, и я еще в них не заглядывал. – Молчание. – Лу?

– О'кей, Гарри. Как-нибудь позвони мне еще разок, если будет охота. Может, немного погода я что-нибудь придумаю. Сейчас мне что-то не по себе.

Босх размышлял, что бы еще сказать. Воображение рисовало ему Портера стоящим у другого телефонного аппарата в полной беспросветной тьме. И в полном беспросветном одиночестве.

– Послушай, – негромко сказал он. – Лучше бы тебе сейчас не... В общем, следи за тем, чтобы Паундс не выбросил твое заявление на помойку и не натравил на тебя парочку «костюмов». Не переусердствуй с лекарствами и держись подальше от баров. Он может попытаться осложнить твой уход по болезни. Врубился?

Лишь через несколько секунд Портер подтвердил, что все понял. Босх повесил трубку и посмотрел на других детективов. В рабочей комнате всегда бывало шумно, но в те моменты,

когда Босху хотелось, чтобы его телефонных разговоров никто не слышал, как нарочно, воцарялась мертвая тишина. Так было и сейчас.

Гарри достал сигарету.

– Старина Девяносто Восемь взвалил на тебя все дела Портера? – спросил Джерри Эдгар.

– Совершенно верно. У нас в бюро я единственный уборщик мусора.

– А мы тогда кто? Рубленый ливер?

Босх улыбнулся. Он был уверен: Эдгар не знает, радоваться ему, что сия чаша миновала его, или негодовать, что его обошли.

– Если хочешь, Джед, я вернусь в конуру к лейтенанту и скажу, что тебе не терпится разделить эти дела со мной. Не сомневаюсь, эта бюрократическая задница с удовольствием поручит их тебе...

Босх замолчал, потому что Эдгар толкнул его под столом ногой. Повернувшись вместе со стулом, Гарри увидел приближающегося к нему Паундса. Лицо лейтенанта побагровело: очевидно, он слышал последнюю фразу Босха.

– Вы ведь не собираетесь здесь курить, детектив? – спросил Паундс.

– Никак нет, лейтенант. Я как раз хотел выйти...

Отодвинув стол, он вышел курить на заднюю стоянку. Дверь в загон для пьяниц оказалась отперта, а всех его обитателей, не рассчитавших в рождественскую ночь свои силы, уже погрузили в тюремный автобус и отправили в суд для предъявления обвинений. Унылый нарушитель порядка из предыдущего улова, одетый в серый рабочий комбинезон, поливал пол загона из пожарной кишки. Гарри знал, что бетонный пол здесь специально сделан наклонным, чтобы облегчить ежедневную уборку, и наблюдал за потоками мутной воды, смешанной с рвотными массами и кровью, которые вырывались из-за решеток на стоянку и с ревом обрушивались в водосток. Несмотря ни на какие меры, вонь в загоне стояла невыносимая, но Гарри не уходил. Это было его законное место.

Докурив, он бросил окуроч в воду и смотрел, как грязный поток несет его к люку канализации.

Глава 6

Когда Босх вернулся, ему показалось, что детективное бюро превратилось в подобие аквариума, где он был единственной рыбой. Стараясь не замечать устремленных на него любопытных взглядов, Гарри схватил в охапку стопку голубых папок и вышел через заднюю дверь на автостоянку. Оттуда он быстро вернулся через дежурку в помещение участка, почти пробежал коротким коридорчиком мимо раздевалки, потом поднялся по лестнице на второй этаж, в крошечную кладовую. Из-за составленных в углу вешалок копы прозвали кладовку «комнатой жениха» и неофициально использовали ее для отдыха в ночные часы. Кроме вешалок и раскладушек, здесь были старый стол из кафетерия и телефонный аппарат. И тишина. О лучшем месте для работы Босх и не помышлял.

Сегодня кладовка была пуста. Гарри положил папки с делами и снял со стола помятый автомобильный бампер. На нем белела этикетка, означавшая, что этот металлический лом – вещественное доказательство к делу такому-то от такого-то числа. Бампер Босх прислонил к штабелю пыльных картонок с давно забытыми делами, рядом со сломанной доской для серфинга, на которой обнаружил аналогичный ярлык. Потом нехотя взялся за работу.

Некоторое время он тупо смотрел на стопку папок высотой в целый фут. Паундс сказал, что за этот год в участке было зарегистрировано шестьдесят шесть убийств. Учитывая неизбежный процесс ротации и двухмесячное отсутствие самого Босха в связи с ранением, Портеру досталось по меньшей мере четырнадцать дел. Поскольку восемь из них остались незакрытыми, Гарри предположил, что остальные шесть тот каким-то образом довел до конца. Убийства в Голливуде совершались в основном заезжими гастролерами, так что это не слишком плохой результат.

Босх знал, что если взять преступность по стране в целом, то абсолютное большинство жертв насилия были знакомы со своими убийцами – с ними ели, пили, спали, жили и так далее. Голливуд в этом отношении сильно отличался от прочих городов. Здесь не было норм, а только отклонения от них и исключения из общих правил. Приезжие убивали приезжих, причем порой – без всякой причины. Тела жертв вдруг отыскивались то в переулках, то на обочинах шоссе, то на склонах заросших кустарниками холмов Гриффитс-парка, то – упакованные в полиэтиленовые мешки – в мусорных контейнерах на задворках ресторанов. В одном из дел Босха фигурировал даже труп, расчлененный на несколько частей, причем каждую аккуратнейшим образом уложили на площадке пожарной лестницы шестизэтажного отеля на Гувер-стрит. Однако даже это преступление не вызвало в детективном бюро особого удивления. Кое-кто даже шутил: Босху, дескать, еще повезло, что жертва не остановилась в пятнадцатизэтажном отеле «Холидей».

Иными словами, Голливуд был как раз таким местом, где среди множества людей всегда можно встретить чудовище или чудовищ. Они мало чем отличались от добропорядочных граждан, и отыскать их в толпе было не легче, чем найти какой-то конкретный автомобиль в многокилометровой пробке на шоссе. Одни из них попадались, другие исчезали, не оставив полиции никакого следа, кроме пролитой ими крови.

Прежде чем сломаться, Портер довел до конца шесть дел из четырнадцати. Это, конечно, далеко не тот результат, за который благодарные горожане воздвигли бы ему памятник, и все же шестерых монстров он вывел из игры. Если бы Босху удалось раскрыть еще одно из дел Портера, этим он добыл бы для него дополнительное очко, и несчастный коп ушел бы в отставку при ничейном счете.

Босху было в высшей степени плевать на Паундса и на его стремление во что бы то ни стало раскрыть еще одно дело до того, как часы пробьют полночь тридцать первого декабря. Теплых чувств к лейтенанту он не питал и ничуть не сомневался, что ежегодный, по-бухгал-

терски скрупулезный подсчет погибших и анализ кривой преступности никакой пользы не приносят. Про себя Босх уже решил, что если сделает эту работу, то только ради Портера, а Паундс пусть провалится ко всем чертям.

Размышляя, он отодвинул папки на дальний край стола, чтобы освободить себе пространство для работы. Босх решил быстро просмотреть отчеты и разделить их на две группы. В первую он отнесет те случаи, расследование которых обещает быстрый успех, а во вторую – убийства, ибо раскрыть их в столь короткий срок не представляется возможным.

Разложив папки в хронологическом порядке, Босх начал с убийства, совершенного в День святого Валентина. Жертвой его пал священник, задушенный в одной из кабинок общественной купальни в Санта-Монике.

Босх закончил через два часа, и в стопке дел, обещавших быстрый успех, остались всего две голубые папки. Одно из дел было месячной давности: женщину, стоявшую на автобусной остановке в Лас-Пальмасе, затащили в темный подъезд закрытого по случаю позднего часа магазина голливудских достопримечательностей, изнасиловали и зарезали. Второе дело оказалось совсем свежим. Труп мужчины обнаружили всего восемь дней назад позади ресторана на бульваре Сансет, неподалеку от здания «Гильдии директоров». Причиной смерти значились жестокие побои.

Босх сосредоточился на этих двух случаях как на относительно недавних. Опыт подсказывал ему, что с каждым днем раскрыть преступление становится все труднее. Добраться до того, кто задушил священника, не легче, чем дойти пешком до луны. Босх не сомневался, что преступник давным-давно покинул город; на это же указывала и статистика.

Что касалось двух самых свежих дел, Босх не сомневался: и то и другое он раскрыл бы довольно быстро, если бы ему улыбнулась удача. Установив личность человека, чей труп обнаружили позади ресторана, он вышел бы на его семью, друзей и приятелей, без труда узнал бы мотив преступления и, возможно, определил круг подозреваемых. С убийством женщины дело обстояло ничуть не сложнее. Сумей Босх выяснить, где она была до того, и проследить ее путь до автобусной остановки, он понял бы, где и при каких обстоятельствах встретил ее убийца.

И все же, прежде чем бросить монету и сделать выбор, Босх решил еще раз внимательно перечитать оба дела. Теория подсказывала, что лучше всего идти по еще не остывшему следу, и Босх взялся за папку с делом убитого мужчины.

Босх сразу отметил, что в папке нет многих обязательных документов. Так, Портер не получил окончательную, отпечатанную на машинке и заверенную печатью, копию протокола вскрытия. Гарри пришлось довольствоваться рапортом о первичном осмотре трупа и собственными заметками Портера, сводившимися к тому, что причиной смерти жертвы стали многочисленные удары «тупым твердым предметом». В переводе с полицейского языка на обычный это могло означать все, что угодно.

На вид мужчине было лет пятьдесят пять. Портер воспользовался выражением из полицейского сленга, назвав жертву «Хуан-67». Это указывало на то, что убитый скорее всего был латиноамериканцем – шестьдесят седьмым мертвым латиносом, найденным в округе Лос-Анджелес в текущем году. В карманах жертвы не было ни денег, ни бумажника – вообще ничего. Одежда мексиканского производства. Только одноцветная татуировка на левой половине груди, отдаленно напоминавшая привидение, была особой приметой, которая, возможно, позволила бы установить его личность. Босх несколько минут рассматривал фотоснимок, приложенный к делу, и наконец решил, что синеватая татуировка, напоминавшая Каспера, маленькое привидение из одноименного мультфильма, была сделана довольно давно, поскольку чернила повыцвели, а линии расплылись. Шестьдесят седьмой «Хуан» явно обзавелся этой картинкой еще в молодости.

В отчете об осмотре места преступления, заполненном рукой Портера, говорилось, что тело найдено 18 декабря в 01.44 свободным от службы полицейским офицером, чью личность удостоверял лишь номер значка. Видимо, полицейский шел в ресторан, когда увидел труп возле мусорного бака на заднем дворе.

С его слов Портер записал, что полицейский, жетон R/O № 1101, только что прибыл в участок и припарковал машину на заднем дворе ресторана «Яйцо», желая зайти туда поесть. Труп жертвы он заметил к востоку от мусорного контейнера. Тело лежало навзничь, ногами на юг и головой на север. Заметив на голове следы ударов, полицейский немедленно известил оперативного дежурного о том, что произошло убийство, и попросил выехать бригаду следователей. До обнаружения трупа и после этого никого из посторонних полицейский во дворе не заметил.

Босх пролистал папку, надеясь найти рапорт, написанный копом 1101, но его не было. Тогда он взялся за фотографии. В стандартном конверте из плотной бумаги лежало несколько фотоснимков, сделанных на месте происшествия, прежде чем тело забрали в морг.

На фотографиях Гарри увидел, что голова жертвы была раскроена одним мощным ударом. На лице тоже виднелись раны, а на шее и когда-то белой майке запеклась кровь. Руки убитого были вытянуты по швам, ладони – раскрыты. Глядя на снимок, сделанный с близкого расстояния, Босх отметил, что два пальца на правой руке загнуты в обратную сторону. Такой сложный перелом типичен для обороняющегося. Помимо многочисленных ранений, Босх отметил также грубую кожу на ладонях, покрытую зажившими шрамами, и крепкие, напоминающие канаты, мускулы предплечий. Скорее всего убитый был сельскохозяйственным рабочим. Что же он делал на заднем дворе ресторана в час ночи?

В папке находились и свидетельские показания, взятые у служащих «Яйца». Все они были мужчинами, и Босха это удивило. Он сам не раз завтракал в «Яйце» и прекрасно помнил, что столики всегда обслуживали официантки. Портер явно не придавал значения их показаниям и сосредоточился на кухонной прислуге. Впрочем, каждый из опрошенных им заявил, что не видел жертву ни до, ни после смерти.

Над показаниями повара, орудовавшего у фритюрницы, Портер нацарапал звездочку. Этот человек заступил на смену ровно в час ночи. Чтобы проникнуть в кухню через черный ход, ему непременно пришлось бы пройти мимо мусорного контейнера, причем именно с восточной стороны. Повар, однако, утверждал, что не видел никакого тела. Он утверждал, что, конечно, заметил бы его, «ежели бы оно там было». На основании этих показаний Портер установил, что убийство произошло между часом и часом сорока четырьмя, то есть между приходом на работу повара и появлением полицейского офицера.

Далее в папке лежали распечатки из компьютерной картотеки полицейского управления Лос-Анджелеса, Национальной картотеки преступности, департамента юстиции Калифорнии и службы иммиграции и натурализации. Из них следовало, что отпечатки пальцев жертвы нигде не зарегистрированы. Компьютерный поиск не выявил ни одного совпадения, и личность шестьдесят седьмого «Хуана» так и осталась неустановленной.

В конце папки лежали заметки, сделанные Портером по ходу вскрытия, проведенного из-за загруженности коронерской службы только во вторник, в самый канун Рождества. Босх внезапно подумал, что свой последний официальный рабочий день Портер провел в прозекторской, наблюдая за тем, как эксперты вскрывают очередное тело. После праздника на службу он не вышел.

Вероятно, Портер уже знал о том, что работает последний день, поскольку его заметки – один лист бумаги с несколькими небрежно нацарапанными предложениями – носили весьма поверхностный характер. Некоторые фразы Босху не удалось прочесть, другие он с грехом пополам разобрал, но они казались совершенно лишены смысла. Только в самом конце страницы Гарри наткнулся на обведенную кружком отметку: «ВНС – с 12 до 18 час».

Босх знал, что это означает: основываясь на температуре внутренних органов и других характерных признаках, экспертиза установила приблизительное время наступления смерти. Итак, «Хуан-67» погиб в промежуток между полуднем и шестью часами вечера предыдущего дня, не позднее.

Поначалу Босх решил, что и в этом нет никакого смысла. Выходило, что мексиканский пеон погиб как минимум за семь с половиной часов до того, как обнаружили его тело. Это не совпадало с показаниями повара, который не видел трупа на помойке в час ночи.

Очевидно, именно из-за этих противоречий Портер выделил заключение экспертизы. Вывод был очевиден: «Хуан-67» не был убит на задворках ресторана. Его прикончили гораздо раньше, в другом месте, а потом бросили труп возле помойки.

Босх достал из кармана записную книжку и начал составлять список тех, с кем ему следовало поговорить. Первым значился врач-патологоанатом; у него Гарри рассчитывал получить полный протокол вскрытия. Следующим он записал самого Портера – с ним в любом случае следовало побеседовать подробнее. Третьим в список Босха попал повар, поскольку в заметках Портера упоминалась только та часть его показаний, где он утверждал, что не видел тела, но не говорил ничего о том, не заметил ли чего-нибудь необычного – посторонних людей, машину и так далее. Кроме того, Босх решил потолковать и с официантками, работавшими в то утро.

Прежде чем закончить работу над списком, Босх снял трубку телефона и набрал номер дежурной части.

– Мне нужно поговорить с полицейским, жетон номер одиннадцать-ноль-один. Пожалуйста, посмотрите по расписанию и назовите мне его фамилию.

На его звонок снова ответил Клейнман.

– Это не смешно, парень, – сурово откликнулся он.

– Что? – переспросил Босх, но в следующий момент все понял. – Этот номер принадлежит Калексико Муру?

– Принадлежал Муру. При-над-ле-жал.

Гарри поспешно положил трубку и попытался собраться с мыслями. Шестидесят седьмой «Хуан» был найден за день до того, как Кэл Мур зарегистрировался в «Убежище». Интересно, что означает подобное совпадение? Сначала Мур натывается на труп, а на следующий день снимает номер в мотеле, включает на полную мощность кондишн и стреляет себе в рот крупной картечью сразу из двух стволов. Его предсмертная записка проста и загадочна:

«Теперь я знаю, кто я такой».

Босх закурил сигарету и вычеркнул из своего списка жетон 1101, однако мысли его все еще были сосредоточены на этой последней новости. Нетерпение и тревога снедали Босха. Он поднялся и несколько раз обошел вокруг стола, пытаясь представить себе различные варианты развития событий и роль, которую сыграл в них Портер, но каждый раз у него выходило одно и то же. Итак, Портер получил вызов и выехал на место происшествия расследовать смерть неизвестного латиноса. Несомненно, на месте преступления он встретился и поговорил с Муром. На следующий день Мур исчез. Спустя неделю его нашли мертвым, а буквально через день после этого Портер объявил о своем решении уйти из полиции по медицинским показаниям, для чего обзавелся врачом. Слишком много совпадений.

Гарри позвонил в детективное бюро. Трубку взял Эдгар, и Босх попросил его порыться в картотеке и найти домашний телефон Портера. Эдгар, исполнив его просьбу, спросил:

– Эй, а ты где?

– А что, Девяносто Восемь Фунтов уже разыскивает меня?

– Нет. Просто несколько минут назад звонил один парень из группы Мура. Сказал, что ты зачем-то ему нужен.

– Зачем?

– Я просто передаю тебе то, что он сказал. Твою работу я делать не собираюсь.

– Хорошо, хорошо. Как его звали?

– Рикард. Он просил передать, что у них кое-что для тебя есть, и я дал номер твоего пейджера, поскольку ты не сказал, где будешь и когда вернешься. Так где ты находишься?

– Нигде, – ответил Босх и, быстро нажав на рычаги, набрал домашний телефон Портера. После десяти гудков он положил трубку и закурил очередную сигарету. Ему никак не удавалось понять, что скрывается за всем этим. Может, Мур, как и говорится в отчете, действительно наткнулся на тело совершенно случайно? Или он сам бросил его там? Ключа к этой загадке у Босха не было.

– Нигде! – громко повторил он в комнате, заполненной пыльными картонными ящиками.

Потом Босх позвонил в отдел судебно-медицинской экспертизы. Назвав себя, он попросил соединить его с временно исполняющей обязанности начальника лаборатории доктором Коразон. Гарри отказался объяснить телефонистке на коммутаторе, по какому делу звонит, поэтому ему пришлось ждать две минуты, прежде чем доктор Коразон взяла трубку.

– Я очень занята, – сказала она.

– И тебе тоже счастливого Рождества.

– Ох, это ты? Извини.

– Мура уже разрезали?

– Да, но я не имею права говорить об этом. Что ты хотел, Гарри?

– Мне только что перешло по наследству одно дело, но в нем нет протокола вскрытия. Вот я и пытаюсь выяснить, кто им занимался, чтобы получить копию.

– Не хочешь же ты сказать, что этим должен заниматься начальник лаборатории, пусть даже временный? Мог бы попросить об этом любого из экспертов, которым лень даже задницу оторвать от табуретки.

– Я обратился бы к ним, но они не так любезны моему сердцу, как ты, золотко.

– Ну ладно, выкладывай поскорее. Кто тебе нужен?

– Мужчина, латинос, зарегистрирован под номером шестьдесят семь. Дата смерти – восемнадцатое декабря. Вскрытие проводилось двадцать четвертого.

Доктор Коразон молчала, и Гарри решил, что она просматривает расписание.

– Вот, – сказала она наконец. – Двадцать четвертое. Двадцать четвертого у нас дежурил Салазар, но сейчас его нет. Это было его последнее вскрытие перед отпуском, после чего он укатил в Австралию. Ровно на месяц. Говорят, в Австралии сейчас лето.

– Черт!

– Не падай духом, дружок. Вот он, пакет, у меня в руках. Салли приготовил его для Портера – как раз сегодня он собирался за ним зайти, но почему-то так и не появился. Как к тебе попало его дело?

– Лу решил рвать когти.

– Господи, что это он? Как его угораздило? Погоди-ка...

Не дожидаясь его ответа, Тереза Коразон исчезла на минуту. Когда она вернулась, ее голос звучал на пол-октавы выше.

– Извини, Гарри, но мне нужно срочно завершить одно дело. Может, встретимся после работы? Я прочитаю заключение и расскажу тебе подробнее, что именно мы нашли. Помнится, именно в этом латинесе Салазар откопал что-то интересное. Во всяком случае, он приходил ко мне за санкцией на консультацию.

– С кем?

– Ему понадобился энтомолог, ученый, занимающийся бабочками и работающий в Лос-Анджелесском университете.

Босх знал, что в теле, пролежавшем не более двенадцати часов, вряд ли успели завестись трупные черви. К тому же, чтобы опознать их, Салазару едва ли нужен был энтомолог.

– Бабочками? – переспросил он.

– Да, – подтвердила Коразон. – Мушками. Они попались ему при анализе содержимого желудка и в соскобах из носоглотки. Ладно, Гарри, мне сейчас действительно некогда. Меня с нетерпением ждут четверо мужчин, и только один из них – труп.

– Значит, остальные трое – Ирвинг, Частин и Шихан, наши три мушкетера, – заключил Босх.

Коразон рассмеялась.

– В самую точку, Гарри!

– Так где мы встретимся и когда? – спросил он, взглянув на часы. Было без малого три.

– Может, около шести? – предложила Тереза. – Я успею закончить вскрытие и посмотреть заключение по твоему «Хуану». Идет?

– Зайти за тобой?

Пейджер Босха разразился скрипучим чириканьем, и он заглушил его хорошо отработанным движением руки.

– Нет, не стоит. Подожди меня в «Красном ветре». Заодно переждем часы пик.

– Заметано.

Босх дал отбой и проверил высветившееся на пейджере сообщение. Увидев номер разменной кассы у платных таксофонов, он сразу набрал его.

– Босх? – спросил голос.

– Босх.

– Это Рикард. Я работал с Кэлом Муром. В БАНГе.

– Да?

– У меня есть для тебя кое-что интересное.

Босх молчал, чувствуя как зашевелились у него волосы. Он пытался представить себе лицо человека, назвавшегося Рикардом, но это ему никак не удавалось. Сотрудники группы по борьбе с наркотиками редко появлялись на работе в дневные часы, да и держались всегда особняком, предпочитая вести замкнутый образ жизни. Рикарда Босх не знал.

– Можно сказать и так, что Кэл кое-что для тебя оставил, – уточнил Рикард. – Не хочешь встретиться? Пожалуй, нам не стоит разговаривать в участке.

– Почему?

– У меня на это свои причины. Объясню, когда увидимся.

– Где встретимся?

– Знаешь ресторан «Яйцо» на бульваре Сансет? Там подают вполне приличную еду, да и ширял там не увидишь.

– Да, я знаю это место.

– Вот и отлично. Мы будем ждать тебя в самой дальней кабинке, почти рядом с дверью в кухню. Как увидишь стол, за которым сидит единственный во всем заведении чернокожий парень, сразу шагай туда. Это я и есть. Парковка сзади, в переулке.

– Знаю. Кто это «мы»?

– Вся команда Кэла.

– Так вот где вы всегда собираетесь!

– Да, перед тем как идти на улицу. До встречи.

Глава 7

С тех пор как Босх в последний раз побывал в «Яйце», вывеска ресторана изменилась. Теперь к его названию прибавилось слово «Всеамериканское», и это, вероятно, означало, что ресторан перешел в руки иностранного владельца.

Гарри выбрался из своего «каприса» и прошел немного по переулку, высматривая место у задней двери, куда подбросили труп «Хуана-67». Довольно странно, что тело нашли именно возле того ресторана, где собиралась перед рейдами группа по борьбе с уличной торговлей наркотиками.

В этот момент плавное течение мыслей Босха было прервано появлением компании уличных попрошаек, которые начали трясти перед ним своими жестяными кружками. Гарри демонстративно не обращал на них внимания, но нищие заставили его подумать еще об одном упущении, совершенном Портером в его пародии на расследование. Насколько помнил Босх, в отчете не упоминалось о том, что Портер опросил уличных бродяг и попрошаек, хотя среди них вполне мог оказаться свидетель. Теперь исправлять эту ошибку скорее всего поздно.

В кабинке, в глубине ресторана, Босх увидел четырех молодых людей; один из них был чернокожим. Все они сидели молча, сосредоточенно разглядывая стоявшие перед ними пустые кофейные чашки. Взяв от ближайшего столика свободный стул и подсев к ним, Гарри заметил на столе казенного вида картонную папку.

– Я – Босх, – назвал себя Гарри.

– Том Рикард. – Темнокожий протянул руку и назвал Гарри трех своих товарищей – Финкса, Монтиреса и Федаредо. – Надоело торчать в конторе, – пояснил Рикард. – А Кэлу очень нравилось это место.

Босх кивнул и бросил взгляд на закрытую папку. На картонном переплете написано крупными буквами: «Умберто Зорилло». Босху это ничего не говорило, но Рикард подвинул папку к нему.

– Что это? – спросил Босх, не касаясь документов.

– Видимо, последнее дело, над которым он работал. – Рикард пожал плечами. – Сначала мы хотели передать это досье в ОРГУ, но потом подумали – какого рожна? В конце концов, Кэл собирал эти материалы для тебя, а этим ребятам из Паркер-центра только одного и надо – окунуть его поглубже в дерьмо. С этими бумажками они возиться не станут.

– Что ты имеешь в виду?

– Мало им того, что Мур наложил на себя руки! Теперь они хотят разобрать его жизнь по косточкам, чтобы знать наверняка, почему он поступил так, а не этак. Парень застрелился – что еще к этому добавишь?

– А вам не интересно знать – почему?

– Я и без них знаю. Все работа, проклятая работа... Когда-нибудь она нас всех достанет. Так что вопрос «почему?» ни перед кем из нас не стоит.

Босх кивнул. До сих пор говорил только Рикард. Ни один из его товарищей не проронил ни слова.

– Извини, – сказал Рикард. – Я просто выпускаю пар. У меня был нелегкий день, самый длинный чертов день в моей жизни.

– А где лежала эта штука? – спросил Гарри, показывая на папку. – Разве ОРГУ не порылся как следует в его рабочем столе?

– Порыться-то они порылись, да только досье там не было. Кэл оставил его в одной из банговских машин – в нашей развалюхе без опознавательных знаков, которую мы используем для работы. Там оно и лежало – в кармане за передним сиденьем. Всю неделю, пока

Кэла искали, никто из нас не ездил на заднем сиденье, поэтому мы не нашли его раньше. На операцию ведь выезжаешь в двух машинах – по двое на переднем сиденье. – Но сегодня, когда до нас дошли последние новости, мы все прыгнули в одну тачку, чтобы прошвырнуться по Бульвару. Только тогда я увидел, что папка торчит из кармана. Внутри, кстати, лежит записка с просьбой отдать дело тебе, но нас это не удивляет. Мы знали, что, после того как Кэл отвалил с дежурства пораньше и встретился с тобой в «Каталине», он начал собирать для тебя какие-то материалы.

Босх не спешил открыть досье. Ему стало немного не по себе от одного взгляда на эту ничем не примечательную картонную папку.

– В тот вечер в «Каталине» он говорил, что на него налетели дерьмоеды из ОВР. Может, вы знаете – почему?

– Нет, дружище, этого мы не знаем. Нам известно только, что они тоже участвуют в этом расследовании. Вот уж действительно: слетелись как мухи на дерьмо! ОВР покопался в столе Кэла еще прежде «костюмов» из ОРГУ. Они забрали все дела, взяли его телефонную книжку и даже уволокли пишущую машинку. Кстати, это наша единственная машинка. А зачем все это – черт его разберет... Главное ведь в том, что Кэл прослужил в полиции чертову уйму лет, а теперь это сучье отродье устроило на него настоящую облаву. Именно это я и имел в виду, когда говорил, что прикончила его работа. Она всех нас достанет.

– А что помимо работы? Что вы знаете о его прошлом? Жена Мура говорила...

– Не хочу даже слышать об этом, приятель. Эта бабенка и заложила Мура «костюмам». Он уехал в командировку, а она состряпала какую-то историю и капнула. Если тебе интересно мое мнение, то она просто хотела его утопить.

– Откуда ты знаешь, что это была она?

– Кэл сам рассказал нам, откуда ветер дует. Когда предупреждал, что дерьмоеды могут задавать нам всякие вопросы.

Босх задумался, прикидывая, кто из них солгал – Мур ли своим партнерам, или Сильвия – ему. Вспоминая лицо Сильвии, Гарри, однако, понял, что это нереально. Он не мог представить себе, чтобы Сильвия так поступила. Впрочем, выяснять это с партнерами Мура не имело никакого смысла, и Босх решил не настаивать. Еще немного подумав, он протянул руку, взял досье и направился к выходу.

* * *

Одолеваемый любопытством, Босх не стал тянуть время. Гарри знал, что досье вообще не должно было попасть к нему в руки, поэтому он обязан снять телефонную трубку и позвонить в ОРГУ Фрэнки Шихану. Однако, воровато оглядевшись, он юркнул в машину. Не заметив поблизости никого, Босх раскрыл папку. На первой же странице он наткнулся на желтую бумажку из самоклеящегося блокнота с надписью: «Передать Гарри Босху». На записке не было ни подписи, ни даты. Кто-то – видимо, сам Мур – приклеил ее к первому листу бумаги, к которому обычной канцелярской скрепкой было подколото пять бледно-зеленых протоколов задержания. Аккуратно отцепив их, Гарри быстро просмотрел бланки. Все они были заполнены на пять разных мужчин, остановленных сотрудниками группы БАНГ в октябре или ноябре. Всех пятерых отпустили после допроса. Почти никакой дополнительной информации, кроме примет, домашнего адреса, номера водительской лицензии, даты и места задержания, в протоколах не содержалось. Имена Босху ничего не говорили.

Отложив протоколы в сторону, Гарри взглянул на лист, к которому они были прикреплены. На нем стояло заглавие: «Внутренняя справка» – и подзаголовок: «Оперативный доклад группы БАНГ, 144». Справка была датирована первым ноября, а на обратной стороне

листа Босх обнаружил резиновый штамп «Подшито...». Судя по всему, справку официально зарегистрировали двумя днями позже.

"В процессе сбора оперативно-розыскной информации, относящейся к незаконному обороту наркотиков в зоне ответственности номер 12, сотрудники полиции Мур, Рикард, Финкс, Федаредо и Монтирес произвели несколько допросов лиц, подозреваемых в продаже наркотических веществ в районе бульвара Голливуд. В последнее время внимание вышеперечисленных сотрудников полиции привлек тот факт, что некоторые из установленных торговцев наркотиками начали предлагать клиентам так называемый черный лед – наркотик, состоящий из героина, кокаина и кристаллического фенциклидина. Спрос на этот вид «дури» пока невысок, однако резкий рост его популярности среди уличных наркоманов более чем вероятен.

Офицеры спецподразделения БАНГ считают, что уличной торговлей «черным льдом» занимаются несколько «челноков». В результате оперативно-следственных мероприятий было установлено пятеро подозреваемых, однако арестов еще не производилось. Судя по всему, сетью уличных торговцев руководит глубоко законспирированный координатор, чью личность установить пока не удалось.

Добровольные информаторы и наркоманы, использующие «черный лед», утверждают, что этот наркотик, продающийся в зоне ответственности, поступает главным образом из Мексики, а не с Гавайских островов, где «лед» был изобретен (см. информационный бюллетень Администрации по контролю за применением законов о наркотиках 502), хотя доставка «льда» с Гавайев на континент по-прежнему имеет место.

Группа БАНГ планирует запросить у АKN дополнительную агентурную информацию относительно происхождения «черного льда» и продолжить наблюдение за незаконным оборотом наркотиков в З/О 12.

Сержант К.В. Мур, жетон 1101".

Босх перечитал рапорт. Эта типичная отписка, созданная с единственной целью прикрыть свою задницу, не содержала никаких конкретных сведений и не значила ровным счетом ничего. Бумажка не имела ни малейшей ценности, однако в случае каких-либо осложнений ею можно было козырнуть перед начальством, дабы доказать, что ты не спал на посту и даже предпринимал кое-какие шаги по предотвращению, недопущению и проч. Скорее всего Мур понял, что «черный лед» уже не редкость на улицах города, и поспешил написать упреждающий рапорт, чтобы обезопасить себя от упреков в недобросовестности и возможных репрессий.

Следующим в папке лежал датированный девятым ноября рапорт об аресте некоего Мервина Дэнса, обвиненного в хранении запрещенных наркотических веществ с целью сбыта. В рапорте утверждалось, что Дэнс был задержан сотрудниками подразделения БАНГ после того, как передал партию «черного льда» уличному торговцу. Рикард и Финкс засекли его на Айвер-стрит, севернее Бульвара, когда подозреваемый сидел в припаркованной по всем правилам машине и словно кого-то ждал. На глазах у обоих офицеров к машине подошел другой человек и сел рядом с ним на переднее сиденье. Если верить рапорту, Дэнс достал что-то изо рта и передал предмет незнакомцу. Тот сразу же выбрался из машины и поспешил прочь. Офицеры разделились; Финкс стал преследовать покупателя. Когда они удалились на такое расстояние, что Дэнс уже не видел их, Финкс задержал незнакомца и обнаружил у него в кармане «восьмерик» – презерватив; в нем лежало восемь порций «черного льда», расфасованных по одному грамму.

Рикард тем временем продолжал наблюдение за Дэнсом, который, оставаясь в машине, поджидал очередного дилера. Получив радиосообщение Финкса о произведенном задержании, Рикард тоже начал действовать.

К сожалению, Дэнс успел проглотить то, что держал во рту, если, конечно, у него там что-то было. Надев на подозреваемого наручники и усадив его на тротуар, Рикард обыскал машину, но никаких наркотиков не нашел. Зато в смятом стаканчике с эмблемой «Макдональдса», валявшемся в водосточном желобе рядом с дверцей машины, оказалось еще шесть презервативов с «черным льдом» – в каждом по восемь граммов.

В результате Дэнса арестовали за продажу и хранение наркотиков с целью сбыта. В рапорте говорилось, что задержанный отказался говорить с полицейскими офицерами о наркотиках, однако утверждал, что стакан из ресторана «МакДоналдс» ему не принадлежит. Дэнс даже не требовал свидания с адвокатом, но примерно через час тот появился в участке сам и заявил офицерам, что в соответствии с конституцией они не имеют права везти задержанного в госпиталь для промывания желудка, равно как и копаться в его испражнениях, когда ему захочется в туалет. Сержант Мур, участвовавший в документальном оформлении задержания в участке, проконсультировался с дежурным заместителем окружного прокурора, и тот подтвердил, что законник абсолютно прав.

В конце концов – всего через два часа после ареста – Дэнса отпустили на свободу под залог в сто двадцать пять тысяч долларов. Это показалось Босху весьма примечательным, поскольку арест был произведен в 23.42. Выходило, что среди ночи Дэнс в течение двух часов обеспечил себя адвокатом, поручителем и необходимыми для внесения залога наличными деньгами в размере десяти процентов от назначенной судьей суммы, что составило ни много ни мало двенадцать с половиной тысяч баксов.

В итоге против Дэнса не было выдвинуто ни одного серьезного обвинения. Босх убедился в этом, просмотрев еще одну страницу в папке, содержащую поступивший из прокурорской службы официальный отказ в возбуждении уголовного дела. Принимая такое решение, помощник окружного прокурора основывался на недостаточном количестве улик. Те, что имелись, не позволяли связать Дэнса со смятым стаканчиком на мостовой, валявшимся в трех футах от машины.

Итак, обвинение в хранении отпадало. Что касается продажи, то об этом и вовсе не упоминалось, поскольку даже полицейские из подразделения БАНГ не видели, чтобы Дэнс получал от покупателя какие-либо деньги после того, как передал ему презерватив с расфасованным «черным льдом».

Семнадцатилетний покупатель наркотиков по имени Гленн Дрюзон категорически отказался свидетельствовать, что получил наркотик от Дэнса. В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела фактически говорилось: Гленн скорее всего будет настаивать на том, что уже имел наркотик, когда сел в машину Дэнса. В таких обстоятельствах вызов в суд наверняка закончился бы заявлением Гленна о том, будто он сам пытался продать «черный лед» Дэнсу, но тот не заинтересовался предложением.

Тем дело и кончилось. Дэнс вышел на свободу, а Дрюзон, обвиненный в хранении наркотиков с целью сбыта, был освобожден под надзор полиции как несовершеннолетний.

Босх на мгновение отвлекся от документов и окинул взглядом улицу. Вдали виднелось округлое многоэтажное здание «Гильдии директоров», вздымавшее к небу свои стены, отделанные блестящей латунью и стеклом. Из-за него чуть выступала верхушка огромного рекламного щита с портретом «Человека-Мальборо», украшавшего бульвар Сансет столько времени, сколько Гарри себя помнил.

Закурив сигарету, он снова вернулся к прокурорскому постановлению. К бумаге была подколота фотография Дэнса: светловолосый парень самодовольно ухмылялся в объектив полицейской камеры. Босх вздохнул. Он отлично знал, что именно этим, как правило, и заканчивается большая часть уличных арестов. Полиции попадает лишь мелкая рыбешка, питающаяся крохами со дна, тогда как рыба покрупнее обходит или рвет расставленные сети. Копы прекрасно сознавали, что в их силах только затруднить жизнь преступникам; избавить

от них город они не могли. Что с того, если один из мелких торговцев отправится в тюрьму? Другой тут же займет его место, а порой наемный адвокат так расстается, что окружной прокурор, обремененный множеством других важных дел, побряхтит-побряхтит, но выпустит арестованного. И все начнется сначала. Отчасти по этой причине Босх так держался за свое детективное бюро и расследование убийств. Иногда ему казалось, что насильственная смерть – единственный вид преступлений, которые все еще считаются общественно опасными. Но в последнее время даже это стало понемногу меняться.

Спрятав фотографию Дэнса в карман, Гарри на время отложил папку. Арест этого торговца не выходил у него из головы. Какую связь увидел Калексико Мур между Дэнсом и Джимми Каппсом? Почему он так хотел, чтобы это дело попало к Босху?

Гарри достал из внутреннего кармана куртки маленькую записную книжку и попытался выстроить события в хронологическом порядке. Получилось у него вот что:

"9 ноября – арестован Дэнс.

13 ноября – найден труп Джимми Каппса.

4 декабря – встреча Мура и Босха".

Гарри захлопнул книжку. Ему необходимо было вернуться в ресторан и задать Рикарду один важный вопрос, но он не спешил. Босх снова раскрыл на коленях папку. Непрочитанной оставалась только одна страница, содержащая переложение оперативно-следственной информации, собранной совсем другой службой. Очевидно, Мур решил вкратце изложить основные тезисы своей консультации с агентом АКН, отвечавшим за Лос-Анджелес. Документ, датированный одиннадцатым декабря, был написан ровно через неделю после встречи в баре «Каталина».

Гарри размышлял о том, как это стыкуется со всем остальным и что может означать, если вообще в семи днях содержался какой-то особый смысл. Он помнил, что во время разговора в баре Мур не слишком охотно делился с ним информацией, так почему же вдруг обратился за консультацией в Администрацию по контролю за применением законов о наркотиках, то есть попытался подыграть сразу обеим сторонам? Или же наоборот: Мур хотел спалить дело Босха и записать его на свой счет?

Ответа на эти вопросы он так и не нашел и начал медленно читать рапорт, машинально теребя пальцами углы картонной папки.

"Согласно информации о состоянии дел на текущий момент, полученной от специального уполномоченного агента АКН Рене Корво, оперативно-следственные мероприятия, проведенные лос-анджелесским отделением АКН, позволяют сделать вывод о том, что основной источник наркотика под названием «черный лед» – район Калифорнийского залива. В этом районе действует некто Умберто Зорилло (Дело оперативной разработки 44К-3, род. 11.11.1954). Судя по имеющимся сведениям, он владеет расположенной в мексиканской зоне подпольной лабораторией, производящей «черный лед» с целью последующей его продажи на территории США. Объект проживает на скотоводческом ранчо площадью около шести тысяч акров к юго-западу от Мехикали, но по политическим мотивам местные полицейские власти Мексики не склонны возбуждать против него уголовное преследование. Тип транспорта, которым пользуются люди Зорилло для переброски наркотика на территорию США, пока не выяснен. Воздушная разведка не выявила на территории ранчо никаких летательных аппаратов, равно как и оборудованных посадочных площадок для них. Опираясь на свой опыт, АКН считает, что наркотик, вероятно, переправляется автомобильным транспортом через Калексико или Сан-Исидро, однако в указанных пограничных пунктах он ни разу не был перехвачен. Не исключено, что объект пользуется поддержкой должностных лиц мексиканской судебной полиции или службы пограничного контроля.

На своей территории (в рабочих поселках – баррио – к юго-западу от Мехикали) Умберто Зорилло пользуется огромным уважением и репутацией народного героя, главным

образом благодаря поддержке, которую он оказывает местным жителям. Она выражается в создании многочисленных рабочих мест, в организации медицинской помощи населению самых бедных кварталов, где рос когда-то Зорилло, в возведении новых жилищ для малообеспеченных работников и в создании бесплатных столовых. Некоторые из местных жителей величают его не иначе как Римским Папой Мехикали (Эль-Папа де Мехикали).

Ранчо Зорилло круглосуточно находится под надежной охраной, и Эль-Папа редко появляется за его пределами. Единственное исключение составляют еженедельные поездки на бой быков, в котором участвуют выращенные на его ранчо животные. В настоящее время местные полицейские власти категорически не расположены к совместным с АКН акциям, если те будут направлены против Зорилло.

Сержант Мур, жетон 1101".

Закрыв папку, Босх смотрел на нее и пытался разобраться в своих мыслях. Он никогда не верил в совпадения и теперь недоумевал, каким образом Калексико Муру удалось надкусить все его яблоки. Потом взгляд его упал на часы, и Гарри сообразил: ему пора трогаться, чтобы не опоздать на встречу с Терезой Коразон. И все же беспорядочный рой мыслей не мог отвлечь Босха от самого главного соображения: Фрэнки Шихан должен располагать всей этой информацией о Зорилло. Когда-то Босх работал с ним в ОРГУ и с тех пор все еще считал Фрэнки неплохим человеком и хорошим следователем. Если Шихан ведет расследование на законных основаниях, у него есть эти материалы. Если их нет, стало быть, они не имеют никакого значения.

Гарри вышел из машины и вернулся в ресторан через кухонную дверь. Осиротевшая группа БАНГ все еще была здесь. Все четверо сидели за столом так печально и неподвижно, словно находились в задней комнате морга. Пятый стул по-прежнему стоял там, куда Босх его поставил, и Гарри снова уселся.

– В чем дело? – спросил Рикард.

– Ты ведь тоже читал это дело, верно? Расскажи мне подробнее об аресте Дэнса.

– Что тут рассказывать? – Рикард пожал плечами. – У нас задницы трескаются от натуги, а помощник прокурора отпускает наших клиентов. Ничего нового в этом нет. Наркотик другой, а песня та же самая.

– Кто навел вас на Дэнса? Как вы узнали, что он доставляет наркотик на Бульвар?

– Да так, услышали в одном месте.

– Рикард, это важно. И касается Мура.

– Как?

– Этого я не знаю, во всяком случае – сейчас. Вам придется довериться мне и подождать, пока я сложу кое-какую головоломку. Просто скажите мне, кто присоветовал вам посмотреть за Дэнсом. Ведь так было дело?

Рикард, казалось, мысленно взвешивал все шансы.

– Да, – признался он. – Мы действовали по наводке. На Дэнса указал мой осведомитель.

– Кто?

– Послушай, дружище, я не могу...

– Джимми Каппс? Это был Джимми Каппс, верно?

Рикард снова замялся, но для Босха иного подтверждения и не требовалось. Гарри не на шутку рассердился, что ему удалось узнать такую важную деталь лишь по чистой случайности, да и то только после смерти Мура. Несмотря на это, картина понемногу прояснялась. Каппс сдал Дэнса, чтобы избавиться от конкурента, после чего срочно вылетел на Гавайи, набил себе брюхо презервативами с зельем и вернулся в Лос-Анджелес. Но Дэнс уже вышел из-под замка, и Каппса убрали, прежде чем он успел продать хотя бы грамм своего товара.

– Почему вы не пришли поговорить со мной, узнав, что вашего Каппса прикончили? А я-то старался, искал мотив убийства...

– О чем ты, Босх? Ведь Мур встречался с тобой в «Каталине» из-за Каппса. Неужели он...

Все вдруг поняли: Калексико Мур не сказал Босху всего, что знал о Каппсе и его смерти. Рикард замолчал на полуслове, и над столом повисла гнетущая тишина. Если бан-говцы не осознавали всего раньше, то теперь им стало очевидно: у Мура было что-то на уме.

Босх первым нарушил молчание:

– Кэл знал, что Каппс был твоим информатором?

Рикард кивнул. Босх решительно встал и положил папку перед ним на стол.

– Мне это не нужно. Позвони Шихану в ОРГУ и сообщи, что ты ее только что нашел. На твоём месте я бы не стал упоминать, что ты показывал эти документы мне, а там – как знаешь. Я, во всяком случае, ему не скажу. – Гарри собрался уйти, но вдруг остановился. – И еще одно... Кто-нибудь из вас видел потом этого Дэнса на Бульваре?

– Со времени ареста – ни разу, – отозвался Федаредо, а трое других покачали головами.

– Дайте мне знать, если вдруг он попадется вам. Мой номер у вас есть.

Выйдя из ресторана, Босх еще раз посмотрел на то место, где Калексико Мур нашел тело шестьдесят седьмого «Хуана». Якобы нашел... Босх уже и сам не знал, чему верить, а чему – нет. Ему оставалось только гадать, что связывало Джимми Каппса, неопознанного «Хуана» и Дэнса, если такая связь вообще существовала. Удастся ли ему разгадать эту загадку, зависело от того, сумеет ли он установить личность человека с крепкими руками крестьянина, привыкшего к непосильному труду. Тогда он найдет и убийцу.

Глава 8

Оказавшись у Паркер-центра, Гарри поспешно миновал мемориальную скульптуру перед входом и вошел в вестибюль. Чтобы следовать дальше, он предъявил дежурному копу за барьером значок: полицейское управление было слишком большим, и дежурящие на вахте копы узнавали в лицо только самое высокое начальство.

В вестибюле толпилось довольно много народа; кто-то приходил, кто-то уходил, одни были в форме, другие – в гражданском, а у иных висел на лацкане значок с надписью «ПОСЕТИТЕЛЬ». Последние отличались от завсегдатаев Паркер-центра вытаращенными глазами и растерянными лицами, ибо этим людям предстояло впервые испытать себя в лабиринте Минотавра. Впрочем, так оно, в сущности, и было; во всяком случае, Босх давно пришел к заключению, что ПУЛА со всем его бюрократизмом скорее запутывало, чем облегчало службу рядовых копов. Каждый коридор восьмизэтажного здания представлял собой удельное феодальное княжество со своими собственными границами, ревностно оберегаемыми армией заместителей, помощников и ответственных секретарей. Каждое маленькое сообщество существовало внутри большого сообщества совершенно автономно и относилось к соседям с неизменным подозрением.

За восемь лет службы в ОРГУ Босх стал настоящим знатоком лабиринта; во всяком случае, таковым он считал себя, пока не погорел на расследовании, которое затеял против него ОВР. Поводом к расследованию послужил его выстрел в безоружного подозреваемого: Гарри должен был задержать его в связи с причастностью последнего к нескольким убийствам. Босх нажал на спусковой крючок, когда лежавший на кровати мужчина сунул руку под подушку. Впоследствии выяснилось, что под подушкой не было никакого оружия, там лежал лишь парик. Ситуация выглядела смешной до идиотизма, но поначалу казалось, что она кончилась плохо лишь для подозреваемого, ибо Босх уложил его наповал и тот отправился в морг в картонной коробке. Однако не все было так просто. И хотя несколько позднее другие следователи ОРГУ доказали, что он действительно совершил все одиннадцать убийств, Босха перевели с понижением в голливудский участок.

В лифте было тесно, душно и пахло потом. Гарри вышел на четвертом этаже и направился в отдел научной экспертизы. Секретарша уже ушла, и ему пришлось перегнуться через барьер, чтобы нажать на кнопку замка. Дверь перед ним со щелчком отворилась, и Гарри прошел через баллистическую лабораторию в общую комнату. Арт Донован все еще сидел за рабочим столом.

– Как ты сюда попал? – спросил он вместо приветствия.

– Открыл дверь и вошел.

– Больше так не делай, Гарри. Ты же нагло попираешь секретность, режим и прочее.

Босх покаянно кивнул.

– Больше не повторится, сэр.

– Так чего тебе надо? – уточнил Донован. – Насколько я помню, твоих дел у меня нет.

– Есть.

– Это какое же?

– Дело Кэла Мура.

– Чушь.

– Арт, дело, которое я сейчас веду, – составная часть этого дела. У меня всего несколько вопросов. Ответь на них, если сможешь, а не сможешь – тоже ничего страшного.

– Что это за дело?

– Я пытаюсь выяснить кое-какие обстоятельства, относящиеся сразу к двум случаям, которые нынче у меня в производстве. Они-то и вывели меня на след Мура. Вот я и подумал... Словом, мне необходимо быть уверенным... насчет его. Ты меня понимаешь?

– Нет.

Босх выдвинул из-за ближайшего стола стул и уселся на него верхом. В общей комнате никого больше не было, но Босх нарочно заговорил негромко, надеясь, что эксперт-криминалист наклонится к нему.

– Я хочу убедиться для себя лично. Скажи, точно ли вы все установили?

– Установили – что?

– Ну, Арт, не прикидывайся. Мне нужно знать, точно ли установлено, что это Мур, и один ли он был в комнате.

Донован долго молчал, откашливался, прочищая горло, наконец с сомнением пробормотал:

– Так ты, говоришь, расследуешь дела, имеющие отношение к Муру? То есть Мур имеет к ним отношение?

Босх подумал, что этот вопрос вполне по существу. Тем не менее он оставлял ему небольшую свободу маневра.

– Видишь ли, у меня в работе был убитый торговец наркотиками, и я просил Мура кое-что проверить по своей линии. Потом на меня свалилось еще одно мертвое тело – неопознанный латинос: его подобрали на улице неподалеку от бульвара Сансет. Второй труп нашел именно Мур. И буквально на следующий день он вселился в этот вонючий мотель и выкинул свой фортель с дробовиком. Во всяком случае, так это выглядит на первый взгляд. Мне только хотелось еще раз убедиться в том, что все произошло именно так, как кажется. Насколько я слышал, в морге сняли отпечатки с тела и они совпали с дактилокартой из личного дела.

– А почему ты предполагаешь, что твои два случая имеют отношение к Муру?

– Сейчас я вообще ничего не предполагаю. Просто стараюсь отсеять лишние возможности. Может, это просто совпадения. Не знаю... – Босх пожал плечами.

– Ну-у-у... – протянул Донован. – Мне не известны результаты медэкспертизы, но отпечатки, что я снял в комнате, действительно принадлежат ему. Это Мур. Да я, собственно говоря, только что с ними закончил. Мне понадобился почти целый день.

– Отчего так долго?

– Компьютер Департамента юстиции барахлил все утро, и я не смог получить отпечатки из картотеки. Пришлось идти в отдел кадров, но там мне сообщили, что Ирвинг уже забрал личную карточку Мура для представления коронеру. Вообще-то так делать не полагается, но тот, кто первым скажет об этом Ирвингу, попадет в черный список. В общем, мне пришлось ждать, пока починят этот чертов компьютер в Департаменте юстиции, так что я начал только после обеда, а закончил сейчас. Но не сомневайся: в комнате был Мур, это точно.

– В каких местах ты снял отпечатки?

– Погоди-ка...

Донован оттолкнулся ногами и, отъехав вместе с креслом к шкафчикам картотеки, отпер один из ящичков. Босх, воспользовавшись случаем, закурил.

Наконец Донован нашел то, что искал, и с толстой папкой в руках тем же манером подкатил к столу.

– Брось-ка эту штуку, Гарри. Терпеть не могу этот дерьмовый дым.

Босх бросил сигарету на линолеум, наступил на нее носком ботинка и так поддал расплюснутый окурок, что он залетел под стол Донована. Арт между тем просматривал извле-

ченные из папки листы. Босх заметил, что на каждом из них вычерчен план номера, в котором нашли тело Мура.

– Вот... – сказал Донован. – Все отпечатки в комнате принадлежат Муру. Я проверял на компь...

– Ты это уже говорил.

– Погоди, погоди, сейчас. Давай посмотрим, что мы имеем... ага, отпечаток большого пальца на ложе ружья. Четырнадцать совпадений. Это, наверное, самый четкий след.

Босх знал, что, сравнивая отпечатки пальцев, суд признавал их идентичность при наличии не менее пяти совпадений. Получить четырнадцать совпадений на двустволке – все равно что располагать фотографией человека с оружием в руках.

– Что еще... – продолжал бормотать Донован. – Четыре отпечатка на стволе, по три совпадения на каждый. Наверное, смазались, когда отдачей рвануло ружье у него из рук. Так что здесь ничего интересного.

– А на спусковом крючке?

– Ничего. Абсолютно ничего. Он же нажимал на крючки большим пальцем ноги, а нога была в носке. Помнишь?

– Помню. И еще я помню, как ты опылял рукоятки кондиционера.

– Там я ничего не нашел. Мы считали – он включил кондишн, чтобы замедлить разложение, но на рукоятках ничего нет. Впрочем, они сделаны из пластика с очень грубой поверхностью, поэтому там в любом случае вряд ли что-нибудь осталось бы.

– Что еще?

Донован заглянул в свои записи.

– Я снял два отпечатка со значка – указательный и большой пальцы, пять и семь попаданий соответственно. Значок лежал на столике вместе с бумажником, но на бумажнике все смазано. На служебном револьвере тоже полно смазанных отпечатков, зато на патроне – четкий след большого пальца.

Кроме того, имеется почти целая ладонь – большой и еще три пальца – на левой дверце шкафчика, что под раковиной в ванной комнате. Наверное, он оперся о него, когда садился... Какой поганый конец, Гарри!

– Да. И это все?

– Все. То есть нет, не совсем. На газете – там на стуле лежала газета – снова абсолютное совпадение. Большой палец и три других.

– Что на патронах от дробовика?

– Все смазано. Там я ничего не смог взять.

– А на записке?

– На записке – ничего.

– Кто-нибудь сравнивал почерк?

– Ну, записка была напечатана, но Шихан все равно заставил графологов поработать над ней. По его словам выходит, будто шрифт совпадает. Дело в том, что несколько месяцев назад Мур переехал от жены и снял квартиру в Лос-Фелисе, в «Тепперо», поэтому ему пришлось заполнять форму о перемене места жительства. Бланк хранился в его личном деле, которое заграбастал Ирвинг, но проблема не в этом. Мур заполнил его на машинке, и эксперты нашли много совпадений с запиской – в частности, в словах «Теперь» и «Тепперо».

– Ружье проверили? Кто-нибудь проследил его по номеру?

– Номер на ружье сточен и протравлен кислотой. Никаких следов... Кстати, Гарри, – вдруг заволновался Донован, – мне не следовало бы так много болтать. Давай лучше...

Он не закончил и, вернувшись со стулом к шкафу, начал убирать туда свои папки.

– Я почти закончил, Донни. Что показала баллистическая экспертиза?

Донован запер шкаф и повернулся к Босху.

– Баллистикой только начали заниматься, поэтому результатов пока нет. Впрочем, мы же говорим о двустволке с горизонтальным расположением стволов, из которой стреляли крупной картечью. В таких патронах, как правило, находится усиленный пороховой заряд, так что начальная скорость довольно велика. Мур мог бы выстрелить в себя с расстояния шесть дюймов и получить точно такие же повреждения. Поэтому ничего таинственного здесь тоже нет.

Босх кивнул, посмотрел на часы и встал.

– Еще один вопрос, последний.

– Да хоть десять. Я столько уже наболтал, что в случае чего не сносить мне головы. Ты обещаешь быть предельно осторожным с тем, что узнал от меня?

– А как же! Собственно, я с самого начала хотел спросить тебя о чужих отпечатках. Сколько там было следов, не принадлежавших Муру?

– Ни одного. И, что также весьма интересно, всем на это наплевать.

Босх снова сел на стул. То, что сказал Донован, было совершенно невероятно. Гарри знал, что номер в мотеле переходит от одного человека к другому как гулящая девка, на которой каждый клиент оставляет свою, пусть даже маленькую, метку. То, что комнату, возможно, вымыли и вычистили, не играло решающей роли. Как бы ни старалась горничная, какие-то знаки и следы непременно должны были сохраниться, поэтому Босху казалось весьма подозрительным, что все поверхности, проверенные Донованом, совершенно чисты, если не считать отпечатков Мура.

– Что значит – всем наплевать? – уточнил он.

– Значит, что по этому поводу никто ничего путного не сказал. Я доложил о своих наблюдениях Шихану и этому отмороженному из ОВР, который повсюду таскается за ним, но они оба повели себя так, словно это ничего не значит. Понимаешь? Экое, дескать, большое дело, что там нет никаких других отпечатков! Хотя, может быть, они никогда еще не имели дела с мертвяками из мотелей. Я-то с самого начала думал, что мне и за сутки не управиться, однако там оказались только пальчики Мура, о чем я тебе рассказывал. Иными словами, это был самый чистый номер в мотеле, какой я когда-либо дактилоскопировал. Если же хочешь послушать мое мнение, то этот мотель совсем не из тех, где управляющий особо печется о чистоте.

– Значит, ты рассказал об этом Шихану?

– Да, как только закончил работу. Сначала я даже боялся, что они подумают, будто мне не терпится в рождественскую ночь побыстрее отделаться от всей этой бузы и рвануть домой, к семье, но я все равно сказал обоим. И знаешь, что они мне ответили? Пожелали спокойной ночи и счастливого Рождества! С тем я и уехал. Вот так-то!

Босх думал о Шихане, Частине и Ирвинге. Шихан – опытный и компетентный следователь, но даже он мог ошибиться, если ему через плечо постоянно заглядывают другие. Они явились в мотель, на сто процентов убежденные, что имеют дело с самоубийством, да и сам Босх на их месте думал бы точно так же. После того как техники обнаружили записку, переубедить Частину и Ирвинга мог бы, наверное, только нож, торчащий в спине Мура, хотя отсутствие чужих отпечатков и вытравленный номер на ружье должны были насторожить их. Однако эти «второстепенные» улики так и не заставили горе-следователей усомниться в своих первоначальных выводах, и Гарри задумался о том, подтвердит ли версию о самоубийстве вскрытие.

Наконец он снова встал, поблагодарил Донована и вышел.

Спустившись по лестнице на третий этаж, Босх оказался в отделе по расследованию грабежей и убийств. Столы в рабочей комнате стояли в три ряда, и большая часть их пустовала, поскольку пять часов уже пробило. Стол Шихана в загончике, где помещался подотдел убийств, тоже был пуст. Несколько детективов, задержавшихся на рабочих местах, подняли

головы, посмотрели на Гарри, но тут же отвернулись. Он не внушал им интереса; более того, Гарри Босх был символом, неприятным напоминанием о том, как легко каждый из них может быть сброшен с вершины на самое дно.

– Шихан еще не ушел? – спросил Босх у девицы за столом дежурного детектива, которая отвечала на звонки, принимала рапорты и исполняла прочую дурацкую работу.

– Ушел на весь день, – отозвалась женщина-детектив, не отрывая взгляда от заполняемого ею расписания отпусков. – Несколько минут назад он звонил из анатомички и предупредил, что до завтра работает по коду семь.

– Есть тут свободный стол, которым я мог бы воспользоваться? Мне нужно сделать несколько звонков.

Босху очень не хотелось спрашивать разрешения, особенно после того, как он проработал в этой комнате восемь лет.

– Да выбирайте любой, – ответила дежурная, по-прежнему не поднимая головы.

Босх присел за стол, на котором было меньше всего бумажек. Придвинув к себе телефон, он вызвал детективное бюро в голливудском участке, надеясь застать на месте хоть кого-нибудь. Ему повезло. Трубку снял Карен Мошито, и Гарри спросил, нет ли каких-нибудь сообщений на его имя.

– Только одно, – отозвался Карен. – От женщины по имени Сильвия. Фамилию она не назвала.

Босх записал номер и почувствовал, как участился у него пульс.

– Ты слышал про Мура? – в свою очередь, осведомился Мошито.

– Об опознании? Да, слышал.

– Нет, не об опознании. О вскрытии. В новостях по радио передали, что результаты аутопсии нельзя считать окончательными. Признаться, впервые слышу, чтобы после выстрела а лицо из дробовика результат не считался окончательным.

– Когда это стало известно?

– Я услышал это в программе КФВБ в пять часов.

Босх дал отбой и снова попытался дозвониться Портеру, но, как и в прошлые разы, никто не взял трубку. Не сработал даже автоответчик, и Гарри представил себе, как Портер сидит в углу темной комнаты, держит бутылку между колен и боится открывать дверь и отвечать на телефонные звонки.

Потом он посмотрел на номер телефона, оставленный для него Сильвией Мур. Интересно, подумал Босх, слышала ли она новости о результатах вскрытия? Возможно, именно поэтому Сильвия и звонила. Гарри набрал номер, и Сильвия ответила после третьего гудка.

– Миссис Мур?

– Зовите меня Сильвия.

– Это Гарри Босх.

– Я знаю. – Она ничего больше не сказала, и Гарри продолжил: – Как вы поживаете?

– Пожалуй, у меня все в порядке. Я... позвонила поблагодарить вас. За то, что вы сделали для меня прошлой ночью. За то, что побыли со мной.

– Ну что вы, Сильвия, право же, это... Это было просто...

– Вы помните, как называлась та книга, о которой я вам рассказывала?

– «Долгое прощание»?

– Да. Там есть еще одна строчка, о которой я много думала. «Рыцаря на белом коне встретить так же трудно, как и толстого почтальона». В наши дни толстых почтальонов, наверное, не так уж мало... – Она смеялась очень негромко, почти так же тихо, как и плакала. – Но рыцари и белые кони по-прежнему редки. Вчера вечером вы были именно таким рыцарем.

Босх не знал, что на это ответить, и молчал, пытаясь представить себе Сильвию, ждущую его слов. Наконец он не выдержал.

– Мне очень приятно это слышать, но, право, не знаю, заслужил ли я подобный комплимент. Мне слишком часто приходится делать то, что не очень соответствует почетному рыцарскому званию.

Еще несколько минут поболтав о пустяках, они попрощались. Босх положил трубку и некоторое время сидел неподвижно, глядя на телефонный аппарат и размышляя обо всем, что было сказано, и о том, что осталось невысказанным. В их разговоре явно что-то промелькнуло, какая-то связь, пока не поддающаяся объяснению. Смерть мужа Сильвии к этому почти не относилась, хотя для Гарри это дело перестало быть рядовым расследованием. Связь, установившаяся между ними двумя, словно возобладали над внешними обстоятельствами.

Размышляя над всем этим, Босх раскрыл записную книжку на составленной им хронологической таблице.

"9 ноября – арестован Дэнс.

13 ноября – найден труп Джимми Каппса.

4 декабря – встреча Мура и Босха".

Теперь он мог дополнить таблицу новыми датами и фактами, даже такими, которые на первый взгляд вовсе не сопрягались с его делом. На это Босха подвигло подспудное ощущение, что все эти события каким-то образом связаны между собой, а главное связующее звено – Калексико Мур. Босх не отрывался от своего занятия до тех пор, пока не закончил. Лишь дописав последнюю строчку, он посмотрел, что у него получилось. Гарри искренне надеялся, что теперь его бессвязные мысли хоть как-то упорядочатся.

"1 ноября – БАНГ направляет меморандум по «черному льду».

9 ноября – Рикард получает наводку от Джимми Каппса.

9 ноября – Дэнс арестован и тут же отпущен.

13 ноября – Джимми Каппс убит.

4 декабря – встреча Мура и Босха, Мур утаивает часть информации.

11 декабря – Мур получает оперативную разработку АКН.

18 декабря – Мур находит тело «Хуана-67».

18 декабря – Портер получает в производство дело «Хуана».

19 декабря – Мур снимает номер в «Убежище» (самоубийство?).

24 декабря – вскрытие «Хуана» (насекомые?).

25 декабря – обнаружено тело Мура.

26 декабря – Портер подает заявление об отставке.

26 декабря – вскрытие Мура (результаты не окончательные?)."

Босх пытался сосредоточиться на этом списке, но думал о Сильвии Мур.

Глава 9

Босх доехал до Второй улицы по Лос-Анджелес-стрит, а потом поднялся до «Красного ветра». Перед приходом Святой Вивианы он заметил толпу бездомных оборванцев, покидающих церковь – весь день они отсыпались на хорах, а теперь всем скопом направлялись на Юнион-стрит, в бесплатную столовую. Проезжая здание редакции «Лос-Анджелес таймс», Босх бросил взгляд на часы на фасаде и увидел, что до шести осталось несколько минут. Он включил радио и настроился на волну КФВБ, надеясь услышать последние новости. Сообщение о результатах вскрытия было вторым после репортажа о том, как мэр города стал очередной жертвой волны стихийных протестов против СПИДа. Какой-то активист-камикадзе бросил в мэра, стоявшего на ступенях Сити-холла, презерватив, наполненный свиной кровью. Ответственность взяла на себя группа «Остудите СПИД!».

«Среди других новостей дня – сообщение нашего корреспондента о результатах судебно-медицинского освидетельствования тела полицейского сержанта Калексико Мура. Согласно заявлению представителя коронерской службы округа Лос-Анджелес, вскрытие не стало решающим аргументом в поддержку версии гибели офицера, уже известной слушателям, поскольку не дало результатов, однозначно указывающих на то, что сотрудник отдела по борьбе с наркотиками действительно покончил с собой. Вместе с тем полиция официально уведомила средства массовой информации, что смерть сержанта Мура классифицирована следствием как самоубийство. Напоминаем нашим слушателям, что тело тридцативосьмилетнего сотрудника полиции было обнаружено в рождественскую ночь в номере одного из голливудских мотелей. Причиной смерти послужил выстрел в голову, произведенный в упор из гладкоствольного охотничьего ружья. Согласно заявлению представителя следствия, офицер Мур погиб примерно неделю назад. На месте происшествия была найдена предсмертная записка, но ее содержание не разглашается. Похороны сержанта Мура состоятся в понедельник».

Босх выключил радио. Выпуск новостей, несомненно, готовился на основе пресс-релиза ПУЛА. Единственной крупницей действительно стоящей информации была фраза о том, что вскрытие не опровергло, но и не подтвердило версии о самоубийстве.

Оставив машину у тротуара перед дверями бара «Красный ветер», Босх прошел внутрь, но Терезу там не нашел. Воспользовавшись этой небольшой отсрочкой, Гарри направился в туалет и, наклонившись над раковиной, несколько раз плеснул себе в лицо холодной водой. Промокнув лицо бумажным полотенцем, он посмотрел на себя в зеркало.

«Не мешало бы побриться», – подумал он и попытался привести в порядок усы и пригладить пятерней непослушные вьющиеся волосы. Слегка расслабив узел галстука, он несколько секунд внимательно рассматривал свое отражение в зеркале. Гарри увидел мрачного опухшего субъекта, обращаться к которому без крайней нужды не стал бы и сам.

Купив в автомате у входа пачку сигарет, Босх огляделся. Терезы все еще не было. Подойдя к стойке и купив бутылочку пива «Якорь», он сел за свободный столик у самых дверей.

«Ветер» понемногу наполнялся служащими, закончившими свой рабочий день, но все еще одетыми в строгие деловые костюмы. Среди посетителей Босх заметил немало пожилых мужчин с молоденькими спутницами, а также нескольких репортеров «Таймс». При этом он подумал, что Тереза – если, конечно, она вообще намеревалась здесь появиться – выбрала для встречи не самое удачное место. После сегодняшнего сообщения о результатах вскрытия ее особа могла весьма заинтересовать журналистов.

Допив пиво, Гарри поспешно покинул бар.

Стоя на тротуаре и вдыхая прохладный вечерний воздух, он поглядывал в сторону тоннеля на Второй улице, когда за спиной его вдруг раздался резкий гудок и рядом остановился автомобиль. Стекло боковой дверцы опустилось с чуть слышным электрическим жужжанием. Это была Тереза.

– Гарри, подожди меня внутри, а я пока найду место для парковки. Прости, что опоздала.

Босх наклонился к окну.

– Внутри полно репортеров. Ты не боишься, что после сегодняшнего сообщения по радио они попытаются вызнать у тебя дополнительные подробности?

Сам Босх рассуждал так: если Терезу увидят в баре и ее имя появится в газетах, то это будет еще одним шагом на пути превращения Терезы Коразон из временно исполняющей обязанности начальника судебно-медицинской экспертизы в ее действующего шефа. С другой стороны, неправильно понятая журналистом фраза или перевранная цитата могли превратить временного начальника в бывшего.

– Куда же нам пойти? – спросила Тереза.

Гарри открыл дверцу и забрался в салон.

– Ты голодна? Тогда поедем к «Горькому» или в «Кастрюльку».

– Пожалуй. А что, «У Горького» еще открыто? Я бы поела тамошнего супа.

Чтобы проложить себе путь через восемь кварталов деловой части города, где в этот час улицы были забиты битком, и припарковаться, им потребовалось пятнадцать минут. Попав в ресторан, они заказали по большой кружке русского пива, сваренного в домашних условиях, а Тереза попросила еще суп из цыпленка с рисом.

– Трудный выдался денек? – осведомился Босх.

– Ох, не спрашивай. Я, во всяком случае, осталась без обеда – проторчала на рабочем месте ровно пять часов.

Босху не терпелось услышать рассказ о вскрытии, но он не мог сразу спросить обо всем, что его интересовало. Следовало: изловчиться и сделать так, чтобы Терезе самой захотелось все рассказать.

– Как прошло Рождество? Не помирилась с мужем?

– Нет, конечно. Ничего из этой затеи не вышло и, наверное, уже не выйдет. Он и раньше не выносил мою работу, а теперь, когда муж узнал, что я могу стать начальником лаборатории, патологоанатомия стала ему вдвойне отвратительна. Мой благоверный укатил накануне Рождества, и я встречала праздник одна. Кстати, как раз сегодня я собиралась позвонить моей адвокатессе и попросить, чтобы возобновила сбор материалов к бракоразводному процессу, но закрутилась и позабыла.

– Надо было позвонить мне. Я встречал Рождество с койотом.

– А-а, так Тимидо еще держится поблизости?

– Он редко подходит совсем уж близко, но в Рождество подошел. Думаю, его вспугнул пожар, начавшийся прямо напротив моей хижины, по другую сторону дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.